

Б А Р А Б А Р А

Аз Гага

С. 10-11

Автор пытается возглавить новый отряд магов. Получается это у него пока очень плохо. У всех учеников периодически возникают странные воспоминания о событиях, которых не было и не могло быть в мире обычного восприятия. Конфликты между Кастанедой и другими учениками все возрастают. И вдруг с помощью Ла Горды новый Нагваль вспоминает, что в связи с особой структурой своего энергетического тела – светящегося кокона – он не может быть их лидером. Пути их расходятся. С ним остается только Ла Горда. Они вместе уезжают в Лос-Анджелес, где занимаются совместными путешествиями в сновидении и в состоянии повышенного осознания пытаются вспомнить все то, что происходило с ними в годы ученичества.

КАРЛОС КАСТАНЕДА

ДАР ОРЛА

Хотя я и антрополог, эта работа является не антропологической. Однако, она уходит своими корнями в антропологию культуры, потому что много лет назад она была начата как полевые исследования именно в этой области. В то время я интересовался применением лекарственных растений индейцами Юго-западной и Северной Мексики.

Со временем мои исследования постепенно перешли в нечто иное, как следствие их собственной инерции и моего собственного роста. На исследование лекарственных растений наложилось исследование системы верований, которая пронизывала границы по крайней мере двух различных культур.

Лицом, ответственным за такое смещение моих интересов в работе, был индеец из племени яки (Северная Мексика) дон Хуан Матус, который позднее представил меня дону Хенаро Флорес, индейцу племени масатек (Центральная Мексика). Оба они практиковали древнее знание, которое в наше время обычно известно как магия и считается примитивной формой медицины и психологии; фактически же оно является традицией исключительно владеющих собой практиков и состоит из чрезвычайно сложных методов.

Эти два человека стали скорее моими учителями, чем просто информаторами, хотя я и продолжал необоснованно рассматривать свою задачу как антропологическую. Я затратил годы, стараясь выделить культурную матрицу из этой системы, совершенствуя таксономию, схему классификации, гипотезу происхождения и распространения системы. Все это было пустой затратой сил, ввиду того, что внутренние силы самой этой системы перевели мой интерес в другое русло и превратили меня в участника.

Под влиянием этих двух могучих людей моя работа преобразовалась в автобиографию в том смысле, что я был вынужден с того момента, как сам стал участником, записывать все, что со мной происходило. Это странная биография, поскольку я не пишу о том, что случается со мной в повседневной жизни обычного человека, как не пишу о своих субъективных состояниях, вызываемых этой жизнью.

Я пишу скорее о событиях, которые происходят в моей жизни как прямой результат принятия чужого набора идей и процедур. Иными словами, система верований, которую я собирался изучать, поглотила меня, и для того, чтобы продолжать свой критический обзор, я должен платить ежедневно необычайной ценой – своей жизнью как человека в этом мире.

Благодаря этим обстоятельствам я столкнулся теперь с особой проблемой, необходимостью объяснить, что же такое то, что я делал. Я очень далеко отошел от того, чем я был раньше – средним западным человеком и антропологом, – и я должен прежде всего напомнить, что данная работа не плод фантазии. То, что я описываю, чуждо нам и поэтому кажется нереальным.

По мере того как я вхожу глубже в путаницу магии, то, что раньше казалось примитивной системой верований и ритуалов, оказывается теперь огромным запутанным миром. Для того, чтобы познакомиться с этим миром и написать о нем, я должен пользоваться самим собой все более сложно и все более утонченно. То, что со мной происходит, не является более чем-то таким, что известно антропологам о системе верований мексиканских индейцев. Соответственно, я оказываюсь в трудном положении.

Все, что мне остается делать при подобных обстоятельствах, так это представить все так, как оно происходило. Я могу заверить читателя в том, что не веду двойной жизни и что в своем повседневном существовании я следую принципам системы дон Хуана.

После того, как дон Хуан Матус и дон Хенаро Флорес, два мага из мексиканских индейцев, которые меня обучали, объяснили мне свое учение так, что сами остались удовлетворены, они

попрощались и покинули меня. Я понял, что с этих пор моей задачей становится закрепить самому то, чему они меня научили.

В ходе этой задачи я вернулся в Мексику и обнаружил, что дон Хуан и дон Хенаро имели еще девять учеников магии: пятерых женщин и четырех мужчин. Старшую звали Соледад, затем была Мария Елена по прозвищу «ла Горда» (толстая). Остальные три женщины – Лидия, Роза и Жозефина – были моложе и их называли «сестренками»; четыре мужчины по старшинству были: Элихио, Бениньо, Нестор и Паблито, – последних трех звали «Хенарос», поскольку они были учениками дон Хенаро.

Я уже знал раньше, что Нестор, Паблито и Элихио, которого там больше не было, были учениками, но я считал, что четыре девушки были сестрами Паблито и что Соледад была их матерью. В течение нескольких лет я был знаком с Соледад и называл ее донья Соледад в знак уважения, потому что по возрасту она была ближе к дону Хуану. С Лидией и Розой я был также знаком, но наши встречи были слишком короткими и случайными, чтобы я мог понять, кем они были в действительности. Жозефину и Горду я знал только по имени. Я встречался с Бениньо, но не имел ни малейшего представления о том, что он связан с доном Хуаном и доном Хенаро.

По непонятным для меня причинам все они, казалось, ждали моего возвращения в Мексику. Они сообщили мне, что ждут, чтобы я занял место дон Хуана как их лидер, их нагваль. Они рассказали мне, что дон Хуан и дон Хенаро исчезли с лица земли так же, как и Элихио. Эти женщины и мужчины считали, что эти трое не умерли, а вошли в другой мир, отличный от мира нашей повседневной жизни, однако такой же реальный.

Женщины, особенно Соледад, яростно сталкивались со мной с самой первой нашей встречи. Тем не менее, они были тем инструментом, который меня активизировал.

Контакт с ними вызвал мистическое брожение в моей жизни. С того самого момента, как я с ними встретился, в моем мышлении и понимании произошли разительные перемены. Все это произошло, однако, не на сознательном уровне. Если я что-нибудь и нашел после своего первого визита к ним, то это еще большую, чем когда бы то ни было, путаницу в голове. Однако, в самой глубине этого хаоса я встретился с удивительно твердой опорой. В своей стычке с ними я обнаружил в себе такие ресурсы, об обладании которыми я и не подозревал.

Горда и три сестрички были совершенными сновидящими. Они добровольно дали мне всякие указания и показали мне свои собственные достижения. Дон Хуан описывал искусство сновидения, как способность использовать свои обычные сны, превращая их в контролируемое сознание при помощи особой формы внимания, которое он и дон Хенаро называли «вторым вниманием».

Я ожидал, что трое Хенарос будут обучать меня своим достижениям в другом аспекте учения дон Хуана и дон Хенаро, искусству «красться», или искусству «сталкера». Искусство сталкера было представлено мне, как ряд приемов и установок, которые позволяют наилучшим образом выходить из любой вообразимой ситуации. Но все, что трое Хенарос рассказали мне об искусстве сталкинга, не имело ни смысла, ни силы по сравнению с тем, чего я ожидал. Я сделал вывод, что эти трое мужчин в действительности не практиковали этого искусства или же они просто не хотят мне его показывать.

Я прекратил свои расспросы для того, чтобы дать каждому возможность почувствовать себя со мной легко и расслабленно, но все эти мужчины и женщины отстранились, считая, что раз я не задаю больше вопросов, значит, я, наконец, стал вести себя как нагваль.

Каждый из них стал требовать от меня совета и руководства. Для того, чтобы все это выполнить, я должен был сделать полный обзор всего того, чему дон Хуан и дон Хенаро обучили меня. Я был вынужден войти еще глубже в искусство магии.

1. Фиксация второго внимания

Был полдень, когда я прибыл туда, где жили Горда и сестренки. Горда была одна, сидя снаружи у двери и глядя на далекие горы. Она объяснила мне, что ушла в воспоминания и как раз в данный момент была на грани того, чтобы вспомнить что-то очень смутное, связанное как-то со мной.

Тем же вечером, после ужина, Горда, три сестренки, трое Хенарос и я сидели на полу комнаты Горды.

Женщины сидели рядом.

По какой-то причине, хотя я и был с каждым из них одинаковое время, я выделял Горду в качестве доверенной всех моих забот. Другие как бы не существовали для меня. Я считал, что причиной было, вероятно, то, что Горда напоминала мне дона Хуана в отличие от остальных. В ней была какая-то легкость и простота, хотя это не проявлялось никак в ее поступках и существовало только в моем восприятии ее.

Все они хотели знать, что я делал и чем занимался.

Я рассказал им, что ездил в город Толлан <столица толтеков> (провинция Идальго), где посетил несколько археологических развалин. Больше всего на меня произвел впечатление ансамбль из четырех фигур, колоссальных, колоннообразных, называемых «атланты», которые стояли на плоской крыше пирамиды.

Каждая из почти цилиндрических фигур высотой 4.5 метра и в поперечнике 0.9 метра. Изготовлены они из четырех отдельных глыб базальта и вырезаны в виде того, что, по мнению археологов, должно выражать толтекских воинов, облаченных в воинские доспехи. В шести метрах позади каждой из этих фигур на вершине пирамиды находился еще один ряд из четырех прямоугольных колонн той же высоты и ширины, как и первые, и также изготовленных из отдельных каменных глыб.

Благоговейный страх, вызываемый этими фигурами, усилился после рассказа о них друга, который водил меня по этим местам. Он рассказал, что один завсегдатай этих развалин признался ему, что слышал, как «атланты» ходят по ночам так, что земля трясется под ними.

Я попросил Хенарос прокомментировать то, что я услышал.

Они уклонялись от ответа и посмеивались.

Я обратился к Горде, сидящей рядом со мной, и прямо спросил ее мнение.

– Я никогда не видела этих фигур, – сказала она, – я никогда не была в Туле. Одна лишь мысль поехать туда приводит меня в ужас.

– Почему это пугает тебя, Горда? – спросил я.

– Что-то случилось со мной в развалинах Монте-альбан в Оасаке, – сказала она. – я обычно бродила по этим развалинам даже после того, как нагваль дон Хуан Матус запретил мне и ногой туда ступать. Не знаю почему, но мне нравилось это место. Каждый раз, бывая в Оасаке, я отправлялась туда.

Поскольку одиноким женщинам часто угрожает опасность, обычно я шла туда с Паблито, который очень смел.

Но однажды я пошла туда с Нестором. Он заметил, что на земле что-то поблескивает. Мы немного покопались и вырыли странный камень, который как бы влился в мою ладонь. В камне было аккуратно просверлено отверстие. Я хотела просунуть туда палец, но Нестор остановил меня. Камень был гладким и сильно согревал мою руку. Мы не знали, что с ним делать. Нестор положил его в свою шляпу, и мы понесли его, как если бы это была какая-то живая зверюшка.

Все расхохотались. В том, что Горда рассказывала, казалось, была скрыта какая-то шутка.

– Куда ты его дела? – спросил я.

– Мы принесли его сюда, в этот дом, – ответила она, и это заявление вызвало у остальных неудержимый смех. Они кашляли и задыхались от хохота.

– Шутка обернулась против Горды, – сказал Нестор. – тебе надо понять, что она упряма, как никто другой.

Нагваль уже предупреждал ее, чтобы она не шутила с камнями, костями и другими предметами, которые она может найти зарытыми в землю, но за его спиной она подбирала всякую чепуху.

Тогда в оасаке она настояла на том, чтобы нести эту богом проклятую вещь. Мы сели с ней в автобус и привезли камень прямо в этот город, а затем и в эту комнату.

– Нагваль и Хенаро отправились в какую-то поездку, – сказала Горда. – я осмелела, просунула палец в отверстие и поняла, что камень обтесан таким образом, чтобы его держать в руке. Сразу же я смогла ощущать чувства того, кто раньше держал этот камень. Это был камень силы. Мое настроение изменилось. Я стала бояться. Что-то ужасное стало мелькать в темноте, что-то такое, что не имело ни формы, ни окраски. Я не могла находиться одна. Я просыпалась от собственного крика, и уже через пару дней я совсем не могла спать. Все по очереди составляли мне компанию днем и ночью.

– Когда вернулись нагваль и дон Хенаро, – сказал Нестор, – то нагваль отправил меня и Хенаро положить камень обратно, точно на то место, где он был закопан. Хенаро понадобилось три дня, чтобы определить точное место. И он его нашел.

– Что с тобой случилось потом, Горда? – спросил я.

– Нагваль похоронил меня, – сказала она. – девять дней я обнаженной пролежала в земляном гробу.

Опять последовал приступ всеобщего хохота.

– Нагваль сказал ей, что она не может выходить оттуда, – объяснил Нестор. – Бедной Горде пришлось писать и какать в свой гроб. Нагваль замуровал ее в ящик, который он сделал из палок, прутьев и земли. Лишь сбоку была маленькая дверца, чтобы давать ей воду и пищу. Все остальное было плотно заделано.

– Почему он захоронил ее? – спросил я.

– Это был единственный способ поместить ее под защиту, – сказал Нестор, – она должна была находиться под землей, чтоб земля ее вылечила. Нет лучшего лекаря, чем земля. К тому же нагваль должен был убрать ощущение этого камня, который был сфокусирован на Горде. Земля – это экран, она ничего не пропускает сквозь себя ни туда, ни обратно. Нагваль знал, что ей не станет хуже от того, что она девять дней проведет захороненной. Ей могло стать только лучше. Что и случилось.

– Горда, что это за чувство – быть захороненной? – спросил я.

– Я чуть с ума не сошла, – сказала она, – но это было просто мое потакание себе. Если бы нагваль не поместил меня туда, я бы умерла. Сила этого камня была для меня чересчур велика. Его владелец был очень большим мужчиной. Могу сказать, что его ладонь была вдвое больше моей. Он держался за этот камень ради собственной жизни, но в конце концов его кто-то убил. Его страх ужаснул меня. Я могла чувствовать, как что-то находит на меня, чтобы есть мое мясо. Именно это чувствовал тот мужчина. Он был человеком силы, но кто-то еще более сильный одолел его.

Нагваль говорил, что если иметь предмет такого рода, то это принесет несчастье, потому что его сила входит в столкновение с другими предметами такого рода, и владелец становится или преследователем, или жертвой. Нагваль говорил, что у таких предметов в самой их природе заключена война, так как та часть нашего внимания, которая фокусируется на них, чтобы

придать им силу, является очень опасной и воинственной частью.

– Горда очень жадная, – сказал Паблито. – она рассчитывала, что если она найдет что-нибудь такое, что уже имеет большой запас силы, то она станет победителем, так как в наше время уже никто не стремится бросать вызов.

Горда согласилась кивком головы.

– Я знала, что можно поднять что-либо еще, кроме той силы, которую имеют такие предметы, – сказала она. – когда я впервые засунула палец в отверстие и зажала в ладони камень, моя рука стала горячей и начала вибрировать. Я почувствовала себя большой и сильной. Я скрытная, и поэтому никто не знал, что я держу в руке камень. После того, как я держала его в руке несколько дней, начался настоящий ужас. Я чувствовала, что за владельцем камня гонятся, и чувствовала его страх. Он был, несомненно, очень сильным магом, и тот, кто его преследовал, хотел не только убить его, но и съесть. Это меня действительно пугало. Мне бы следовало тогда бросить камень, но то чувство, которое я ощутила, было настолько новым, что я держала камень зажатым в кулаке, как проклятая дура. Когда же я наконец бросила его, то было уже поздно. Что-то во мне попало на крючок. Я стала видеть людей, подступающих ко мне, людей, одетых в странные одежды. Я чувствовала, как они кусают меня, отрывая куски мяса с моих ног маленькими острыми ножами и просто зубами. Я обезумела!

– Как эти видения объяснял дон Хуан? – спросил я.

– Он сказал, что она больше не имела защиты и поэтому могла воспринимать фиксацию того человека, его второе внимание, которое было влито в тот камень. Когда его убивали, он держался за этот камень, чтобы собрать всю свою концентрацию. Нагваль сказал, что сила этого человека ушла из его тела в этот камень; он знал, что делает. Он не хотел, чтобы его враги получили ее, съев его тело. Нагваль сказал также, что те, кто его убивал, знали об этом, вот почему они ели его живым, чтобы заполучить ту силу, которая еще оставалась в нем. Должно быть, они закопали камень, чтобы избежать беды. Ну, а Горда и я, как два идиота, нашли его и выкопали.

Горда кивнула утвердительно два или три раза. У нее было очень серьезное выражение лица.

– Нагваль сказал мне, что второе внимание – это самое свирепое из всего существующего, – сказала она. – если оно сфокусировано на предметах, ничего не может быть хуже.

– Ужасно здесь то, что мы цепляемся, – сказал Нестор. – тот человек, что владел этим камнем, цеплялся за свою жизнь, за свою силу – вот почему он пришел в ужас, почувствовав, как съедают его мясо. Нагваль сказал, что если бы тот человек отказался от своего чувства обладания и отдал бы себя смерти, какая бы она ни была, то в нем не было бы никакого страха.

Разговор угас. Я спросил у остальных, не имеют ли они какого-либо еще мнения. Сестрички с удивлением посмотрели на меня. Бениньо хихикнул и прикрыл лицо своей шляпой.

– Мы с Паблито были в пирамидах Тулы, – сказал он, наконец. – мы посетили все пирамиды, какие только есть в мексике. Они нам нравятся.

– Почему вы посещаете все пирамиды? – спросил я его.

– Я, пожалуй, не знаю, зачем мы к ним ездим, – сказал он. – наверное потому, что нагваль Хуан Матус запретил нам делать это.

– А ты, Паблито? – спросил я.

– Я ездил туда учиться, – ответил он вызывающе и засмеялся. – я жил когда-то в городе Тула и знаю эти пирамиды, как свои пять пальцев. Нагваль говорил, что он тоже жил там раньше. Он знал о пирамидах все. Он сам был из народа толтек.

Тут я понял, что на археологические раскопки в Туле меня погнало более, чем любопытство. Основной причиной, по которой я принял приглашение друга, было то, что во

время моего первого визита к Горде и остальным, они открыли мне такое, о чем дон Хуан никогда мне не намекал: что он рассматривал себя потомком племени толтек. Тула была древним эпицентром империи толтеков.

– Что ты думаешь об атлантах, гуляющих по ночам? – спросил я у Паблито.

– Конечно по ночам они ходят, – сказал он. – эти шутки были там много столетий. Никто не знает, кто построил пирамиды. Нагваль Хуан Матус говорил мне, что испанцы были не первые, кто обнаружил их. Нагваль сказал, что до них были другие. Бог знает, сколько их было.

– Ты не знаешь, что изображают эти каменные фигуры? – спросил я.

– Это не мужчины, а женщины, – сказал он. – пирамида является центром устойчивости и порядка. Фигуры представляют 4 ее угла, – это 4 ветра, 4 направления. Они фундамент и основа пирамиды. Они должны быть женщинами, мужеподобными женщинами, если хочешь. Как ты знаешь сам, мы, мужчины, не ахти какие. Мы хорошая связка, клей, чтобы удерживать вещи вместе, но и только. Нагваль Хуан Матус сказал, что загадка пирамиды – в ее структуре. Четыре угла были подняты до вершины. Сама пирамида – мужчина, поддерживаемый своими четырьмя женскими воинами, мужчина, который поднял своих поддерживательниц до высшей точки. Понимаешь, о чем я говорю?

Должно быть у меня на лице отразилось изумление. Паблито засмеялся. Это был вежливый смех.

– Нет, я не понимаю, о чем ты говоришь, Паблито, – сказал я. – но это потому, что дон Хуан никогда не говорил мне ни о чем подобном. Пожалуйста, расскажи все, что знаешь.

– Атланты – это нагваль. Они сновидящие. Они представляют собой порядок второго внимания, выведенного вперед, поэтому они такие пугающие и загадочные, они – существа войны, но не разрушения. Другой ряд колонн, прямоугольных, представляет собой порядок первого внимания – тональ. Они сталкеры. Вот почему они покрыты надписями. Они очень миролюбивы и мудры, в отличие от первого ряда. Паблито остановился и взглянул на меня почти отчужденно, затем расплылся в улыбке.

Я думал, что он будет продолжать, объясняя то, что сказал, но он молчал, как бы ожидая моих замечаний.

Я сказал ему, насколько был заинтригован, и попросил его продолжать рассказывать. Он, казалось, был в нерешительности, взглянул на меня пристально и глубоко вздохнул. Едва он начал говорить, как голоса остальных заглушили его шумом протеста.

– Нагваль уже объяснил это всем нам, – сказала Горда нетерпеливо. – Зачем заставлять повторять это?

Я попытался объяснить им, что действительно не имею представления о том, что говорит Паблито. Я настаивал на том, чтобы он продолжал свои объяснения.

Опять возникла волна голосов, говорящих одновременно. Судя по тому, как смотрели на меня сестрички, они очень сердились, особенно Лидия.

– Мы не хотим говорить об этих женщинах, – сказала мне Горда сдержанным тоном. – одна только мысль о женщинах пирамид делает нас очень нервными.

– Что с вами со всеми? – спросил я. – почему вы так себя ведете?

– Мы не знаем, – ответила Горда. – это просто чувство, которое мы все разделяем. Очень беспокоящее чувство. Мы чувствовали себя прекрасно, пока минуту назад ты не начал задавать вопросы об этих женщинах.

Заявление Горды было как бы сигналом тревоги. Все стали и угрожающе придвинулись ко мне, говоря в полный голос.

Мне потребовалось долгое время, чтобы их успокоить и усадить. Сестренки были очень взбешены, и их состояние, казалось, передалось Горде.

Трое мужчин лучше держали себя в руках. Я повернулся к Нестору и прямо попросил его объяснить, почему женщины были так возбуждены. Очевидно я ненамеренно делал что-то такое, что раздражало их.

– Я действительно не знаю, в чем дело, – сказал он. – Уверен, что никто из присутствующих не понимает, что с нами творится, но все мы чувствуем себя очень нервными и опечаленными.

– Потому, что мы разговариваем о пирамидах? – спросил я.

– Должно быть, так, – бесстрастно сказал он. – я и сам не знал, что эти фигуры являются женщинами.

– Да знал же ты, конечно, идиот, – бросила Лидия.

Нестор, казалось, был смущен ее выходкой, однако он расслабился и посмотрел на меня с глупым видом.

– Может я и знал, – сдался он. – мы проходим через очень странный период в нашей жизни. Никто из нас ничего уже не знает наверняка. С тех пор, как ты вошел в наши жизни, мы больше не знаем самих себя.

Возникла очень напряженная атмосфера. Я настаивал на том, что единственным способом рассеять ее – будет говорить об этих загадочных колоннах пирамид.

Женщины горячо протестовали. Мужчины молчали. У меня был такое ощущение, что в принципе они сочувствуют женщинам, но втайне хотят обсудить этот вопрос, так же как и я.

– Говорил дон Хуан еще что-нибудь о пирамидах, Паблито? – спросил я. Моим намерением было отвести разговор от болезненной темы об атлантах, но в то же время оставить его рядом.

– Он сказал, что одна особая пирамида там, в Туле, была гидом, – охотно ответил Паблито.

По тону его голоса я заключил, что он действительно хочет разговаривать, а внимание остальных учеников убедило меня в том, что втайне все они хотели бы обменяться мнениями.

– Нагваль сказал, что это гид ко второму вниманию, – продолжал Паблито, – но эта пирамида была разграблена и все там уничтожено. Он сказал мне, что некоторые из пирамид были гигантским неделанием. Они были не жилищем, а местами, где воины практиковались в сновидениях и втором внимании. Все, что они делали было запечатлено в рисунках и надписях, нанесенных на стенах.

Затем пришли, вероятно, воины другого рода. Такие, которые не одобрили все, что сделали маги пирамиды со своим вторым вниманием, и они разрушили пирамиду, и все, что было в ней. Нагваль считал, что новые воины были, должно быть, воинами третьего внимания, такими же как он сам; воины, которых ужаснуло зло, заключенное в фиксации второго внимания. Маги пирамиды были слишком заняты своей фиксацией, чтобы понять, что происходит. Когда же они поняли, то было уже слишком поздно.

Паблито захватил слушателей. Все в комнате, включая меня, были зачарованы тем, что он говорил. Я понимал идеи, которые он излагал, потому, что дон Хуан объяснял их мне.

Дон Хуан сказал, что все наше существо состоит из двух воспринимающих сегментов. Первый – это наше знаковое физическое тело, которое мы можем ощущать. Второй – светящееся тело, которое является коконом и может быть замечено только видящими. Это кокон, который придает нам вид гигантского светящегося яйца. Он сказал также, что одной из самых важных задач магии является достичь светящегося кокона. Цель, которая достигается путем сложной системы использования сновидений и путем жесткой систематической практики неделания.

Он определил «неделание» как незнакомое нам действие, которое вовлекает все наше существо, заставляя его осознавать свою светящуюся часть.

Для того, чтобы объяснить эти концепции, дон Хуан изобразил наше сознание, неравно разделенное на три части. Самую маленькую часть он назвал первым вниманием и сказал, что это то внимание, которое развито в каждом нормальном человеке для жизни в повседневном

мире; оно охватывает сознание физического тела.

Другую, более крупную часть, он назвал вторым вниманием и описал его как то внимание, которое нам нужно, чтобы воспринимать наш светящийся кокон и действовать как светящиеся существа. Он сказал, что второе внимание остается на заднем плане в продолжение всей нашей жизни, если оно не выводится вперед благодаря специальной тренировке или случайной травме, и что оно охватывает сознание светящегося тела.

Последнюю, самую большую часть он назвал третьим вниманием; это неизмеримое сознание, которое включает в себя необозримые аспекты физического и светящегося тел.

Я спросил его, испытал ли он сам третье внимание. Он сказал, что был на его периферии и что если он когда-нибудь войдет в него полностью, я узнаю это сразу же, потому что все в нем тотчас же станет тем, чем оно в действительности и является – всплеском энергии. Он добавил, что поле битвы воинов – второе внимание, которое является чем-то вроде полигона подготовки к достижению третьего внимания. Это состояние очень трудно достижимо, но крайне плодотворно, если его достигнуть.

– Пирамиды вредны, – продолжал Паблито, – особенно для незащищенных воинов, подобных нам. Еще хуже они для бесформенных воинов, подобных Горде. Нагваль говорил, что нет ничего более опасного, чем злая фиксация второго внимания. Когда воины выучиваются фокусироваться на слабой стороне второго внимания, ничто не может устоять на их пути. Они становятся охотниками за людьми, вампирами. Даже если они умерли, они могут добраться до своей жертвы сквозь время, как если бы они присутствовали здесь и сейчас, поэтому мы становимся жертвой, когда входим в одну из этих пирамид. Нагваль назвал их ловушками второго внимания.

– Что в точности случается, как он говорил? – спросила Горда.

– Нагваль сказал, что мы можем выдержать, пожалуй, одну поездку на пирамиды. – объяснил Паблито. – при втором посещении мы будем чувствовать непонятную печаль. Она будет подобна холодному бризу, который сделает нас вялыми и усталыми. Такое утомление очень скоро превратится в невезение. Через короткое время мы станем носителями несчастья, всякого рода беды будут преследовать нас. Нагваль фактически сказал, что наши неудачи вызваны своевольными посещениями этих развалин вопреки его рекомендациям.

Элихио, например, всегда слушался нагваля, его нельзя было бы найти там мертвым. Так же поступал и этот наш нагваль. И им всегда везло, в то время как все остальные носили с собой свое невезение, особенно Горда и я. Разве нас не кусала всегда одна и та же собака? И разве одни и те же перекладки, поддерживающие кухонный навес, не загорались дважды и не падали на нас?

– Нагваль никогда мне этого не объяснял, – сказала Горда.

– Да объяснял, конечно же, – настаивал Паблито.

– Я и ногой не ступала бы в эти проклятые места, если бы знала насколько это плохо, – запротестовала Горда.

– Нагваль говорил каждому из нас одни и те же вещи, – сказал Нестор. – беда в том, что каждый из нас невнимательно слушал или каждый слушал его по-своему и слышал только то, что хотел услышать.

Нагваль сказал, что фиксация на втором внимании имеет две плоскости. Первая и самая легкая плоскость является злом. Так происходит, когда сновидящие используют свое искусство сновидения, чтобы фокусировать свое второе внимание на предметах мира, подобных деньгам и власти над людьми.

Вторая плоскость крайне трудно достижима, и она возникает, когда сновидящий фокусирует свое второе внимание на предметах, которых нет в этом мире, подобно

путешествиям в неизвестное.

Воинам требуется бесконечная безупречность, чтобы достичь этой плоскости.

Я сказал им, что уверен в том, что дон Хуан выборочно открывал одни вещи одним, а другие – другим. Я, например, не могу вспомнить, чтобы дон Хуан когда бы то ни было рассказывал мне о злой плоскости второго внимания.

Затем я рассказал им, что дон Хуан рассказывал мне о фиксации второго внимания вообще.

Он подчеркнул мне, что все археологические развалины в мексике, особенно пирамиды, были вредными для современного человека. Он описал пирамиды как чуждые выражения мысли и действия. Он сказал, что каждая деталь, каждый рисунок в них был рассчитанным усилием выразить такие аспекты внимания, которые для нас чужды. Для дон Хуана это были не просто развалины прошлых культур, но они несли в себе опасности. Все, что там было объектом всепоглощающего притяжения, имело вредный потенциал.

Однажды мы обсуждали это подробно. Вызвано это было его реакцией на мои замечания по поводу затруднения в том, где мне можно было бы безопасно хранить свои записи. Я смотрел на них с сильным чувством собственника и был обеспокоен их безопасностью.

Я спросил его, что мне делать.

– Хенаро уже раз предлагал тебе решение, – ответил он. – ты думал, как всегда, что он шутит. Он никогда не шутит. Он сказал тебе, что ты должен был писать не карандашом, а кончиком своего пальца. Ты не понял его, потому что не мог вообразить, что это – «неделание» записей.

Я стал спорить о том, что его предложение должно было быть шуткой. Я воображал себя ученым, которому необходимо записывать все, что было сказано и сделано, для того, чтобы вынести достоверное заключение. Для дон Хуана одно с другим не имело ничего общего. Чтобы быть серьезным исследователем, считал он, совсем не надо делать записей. Лично я решения не видел. Предложение дон Хенаро казалось мне забавным, но вовсе не реальной возможностью.

Дон Хуан продолжал отстаивать свою точку зрения. Он сказал, что записывание является способом вовлечения второго внимания в задачу запоминания и я записывал для того, чтобы помнить, что было сказано и сделано. Рекомендация дон Хенаро не была шуткой, потому что записывание на бумаге кончиком пальца как «неделание» записей вынудит мое второе внимание сфокусироваться на запоминании, и тогда я не накапливал бы листов бумаги. Дон Хуан думал, что конечный результат был бы более точным и более значительным, чем при обычном записывании. Насколько он знал, это никогда не делалось, но сам принцип был хорош.

Он заставил меня некоторое время записывать так. Я расстроился. Записывание действовало не только как способ запоминания, но также успокаивало меня. Это была моя наиболее полезная опора. Накапливая листы бумаги, я получал ощущение целенаправленности и устойчивости.

– Когда ты горюешь о том, что тебе делать с записями, объяснил мне дон Хуан, ты фокусируешь на них очень опасную часть самого себя. Все мы имеем эту опасную сторону, эту фиксацию. Чем сильнее мы становимся, тем губительней становится эта сторона. Воинам рекомендуется не иметь никаких материальных вещей, на которых могла бы фокусироваться их сила, а фокусировать ее на духе, на действительном полете в неведомое, а не на тривиальных щитах. В твоём случае твои записи – это твой щит. Они не позволят тебе жить спокойно.

Я серьезно чувствовал, что на земле нет ничего, что могло бы разлучить меня с моими записями. Тогда дон Хуан изобрел для меня задачу взамен настоящего неделания.

Он сказал, что для тех, кто охвачен таким чувством собственности, как я, подходящим способом освободиться от своих записей было бы раскрыть их, сделать всеобщим достоянием,

написать книгу. В то время я думал, что это еще большая шутка, чем предложение записывать все пальцем.

– Твои побуждения обладать и держаться за вещи – не уникальны, – сказал он. – каждый, кто хочет следовать тропой воина по пути мага, должен освободиться от этой мании.

Мой бенефактор рассказывал мне, что было время, когда воины имели материальные предметы и переносили на них свою одержимость.

Это рождало вопрос, чей предмет более сильный, и чей самый сильный из всех.

Остатки этих предметов еще остаются в мире – обломки этой борьбы за власть. Никто не может сказать, какого рода фиксацию получили эти предметы. Люди бесконечно более сильные, чем ты, вливали в них все грани своего внимания. Ты еще просто начал вливать свои мелочные заботы и хилую тревогу в листы своих записей. Ты еще не добрался до других уровней внимания. Подумай, как будет ужасно, если к концу своего пути воина ты обнаружишь, что все еще тащишь рюкзак с записями на спине. К тому времени записи станут живыми, особенно если ты научишься писать кончиком пальца и будешь вынужден все еще собирать листы бумаги. При таких условиях меня не удивило бы ни в коей мере, если бы кто-нибудь повстречал твои тюки, идущие сами по себе.

– Мне легко понять, почему нагваль Хуан Матус не хотел, чтобы мы чем-нибудь владели, – сказал Нестор после того, как я кончил свой рассказ. – мы все являемся сновидящими. Он не хотел, чтобы мы фокусировали свое тело сновидений на слабой стороне второго внимания. В то время я не понимал его маневров. Меня раздражало то, что он заставил меня освободиться от всего, что я имел.

Мне казалось, что он несправедлив. Я считал, что он старается удержать Бениньо и Паблито от зависти ко мне, потому что у них самих не было ничего. Я по сравнению с ними был богачом. В то время у меня и мысли не было, что он защищает мое тело сновидений.

Дон Хуан описывал мне искусство сновидений по-разному. Наиболее туманные из этих описаний, как мне теперь кажется, описывают его лучше всего. Он сказал, что искусство сновидения в сущности своей является неделанием сна. Как таковое, искусство сновидения дает тем, кто его практикует, использование той части их жизни, которую они проводят в хаосе.

Сновидящие как бы не спят больше. И тем не менее никаких болезненных последствий от этого не возникает.

Не так, чтобы у сновидящих отсутствовал сон, но эффект сновидения, казалось, увеличивает время бодрствования благодаря использованию так называемого вспомогательного тела – тела сновидений.

Дон Хуан объяснял мне, что тело сновидений – это нечто такое, что иногда называют «дубль», или «другой», потому что это точная копия тела сновидящего.

В сущности, это энергия светящегося тела. Дон Хуан объяснил, что тело сновидений не привидение, а реально настолько, насколько реально все, с чем мы имеем дело в этом мире вещей.

Он сказал, что второе внимание неизбежно вынуждено фокусироваться на общем нашем существе как поле энергии и трансформировать эту энергию во что-нибудь подходящее. Самое легкое, конечно, это изображение нашего физического тела, с которым мы уже близко знакомы из нашей повседневной жизни и использование своего первого внимания. То, что проводит энергию нашего общего существа с целью создать что бы то ни было в границах возможного, обычно называют волей.

Дон Хуан не мог сказать, где находятся эти границы, но только на уровне светящихся существ этот диапазон настолько велик, что бесполезно и пытаться установить пределы, поэтому воля может преобразовать энергию светящегося существа во что угодно.

– Нагваль сказал, что тело сновидений включается и цепляется за все, что придется, – сказал Бениньо. – это не имеет значения. Он рассказывал, что мужчины в этом смысле слабее женщин, потому что у мужчин тело сновидений больше стремится к обладанию.

Сестренки дружно согласились, закивав головами. Горда взглянула на меня и улыбнулась.

– Нагваль рассказывал мне, что ты – король собственников, – сказала она мне. – Хенаро сказал, что ты даже со своим дерьмом прощаешься прежде, чем спустить его.

Сестренки попадали от смеха. Хенарос делали явные усилия, чтобы сдержаться. Нестор, сидевший рядом со мной, погладил мое колено.

– Нагваль и Хенаро рассказывали о тебе целые истории, – сказал он. – они годами развлекали нас рассказами о том, с каким странным парнем они знакомы. Теперь-то мы знаем, что это был ты.

Я почувствовал волну раздражения. Выходило так, что дон Хуан и дон Хенаро предали меня, смеясь надо мной перед учениками. Мне стало жаль себя. Я стал жаловаться. Я сказал громко, что они уже были предрасположены к тому, чтобы быть против меня и считать меня дураком.

– Это неверно, – сказал Бениньо. – мы очень рады, что ты с нами.

– Разве? – бросила Лидия. Между ними всеми начался горячий спор. Мужчины и женщины разделились. Горда не примкнула ни к одной группе.

Она осталась сидеть сбоку от меня, в то время как остальные встали и кричали.

– Мы переживаем трудное время, – сказала Горда тихим голосом. – мы уже очень много занимались сновидением и все же этого недостаточно для того, что нам надо.

– Что же вам надо, Горда? – спросил я.

– Мы не знаем, – ответила она. – мы надеемся, что ты скажешь нам это.

Сестренки и Хенарос опять уселись, чтобы послушать то, что говорит мне Горда.

– Нам нужен руководитель, – продолжала она. – ты нагваль, но ты не руководитель.

– Нужно время, чтобы стать безупречным нагвалем, – сказал Паблито. – нагваль Хуан Матус говорил, что он и сам был ни рыба ни мясо в молодости, пока что-то не вытряхнуло его из его самодовольства.

– Я этому не верю, – закричала Лидия. – мне он этого никогда не говорил.

– Он говорил, что был большим растяпой, – добавила Горда тихим голосом.

– Нагваль рассказывал мне, что в молодости он был таким же неудачником, как и я, – сказал Паблито. – его бенефактор тоже говорил ему, чтобы он не ходил к пирамидам, но из-за этого он чуть ли не жил там, пока его не изгнала оттуда толпа призраков.

Очевидно никто из присутствующих не знал этого рассказа. Все встrepенулись.

– Я совсем об этом забыл, – объяснял Паблито. – я только что это вспомнил. Это получилось так же, как с Гордой. Однажды, когда нагваль сделался, наконец, бесформенным воином, злые фиксации тех воинов, которые совершали свои сновидения и свое неделание в этих пирамидах, последовали за ним. Они нашли его в тот момент, когда он работал в поле. Он рассказывал мне, что увидел руку, которая высывалась из осыпавшейся земли в свежей борозде. Эта рука схватила его за штанину. Он подумал, что, видимо кого-то из рабочих, бывших с ним, засыпало. Он попытался его выкопать. Затем он понял, что копается в земляном гробу, в котором был погребен человек. Нагваль сказал, что человек этот был очень худ, темен и не имел волос. Нагваль поспешно пытался починить гроб. Он не хотел, чтобы это увидели рабочие, бывшие с ним, и не хотел причинить вред этому человеку, раскопав его против его воли. Он так усердно работал, что не заметил даже, как остальные рабочие собрались вокруг него. К тому времени, говорил нагваль, земляной гроб развалился, и темный человек вывалился на землю совершенно голый. Нагваль попытался помочь ему подняться и попросил людей дать ему руку.

Они смеялись над ним. Они считали, что у него началась белая горячка от пьянства, потому что в поле не было ни человека, ни земляного гроба, ни вообще чего-либо подобного.

Нагваль говорил, что он был потрясен, но не смел рассказать об этом своему бенефактору. Но это не имело значения, так как ночью за ним явилась целая толпа призраков. Он пошел открыть дверь после того, как кто-то постучал, и в дом ворвалась куча голых людей с горящими желтыми глазами. Они бросили его на пол и навалились на него. Они переломали бы ему все кости, если бы не быстрые действия его бенефактора. Он видел призраков и выдернул нагваля в безопасное место в глубокую яму, которую он всегда держал наготове за домом. Он закопал там нагваля, в то время как призраки сновали вокруг, поджидая удобного случая.

Нагваль рассказал мне, что был тогда очень напуган, что даже после того, как призраки скрылись окончательно, он еще долгое время добровольно отправлялся по ночам спать в яму.

Паблито замолчал. Все, казалось, готовились разойтись.

Они нервно шевелились и меняли позы, как бы показывая, что устали от сидения.

Тогда я рассказал им, что у меня вызвало раздражение утверждение моего приятеля, что атланты пирамиды Тулы ходят по ночам. Я не оценил той глубины, на которой я принял все, чему меня учили дон Хуан и дон Хенаро. Я понял, что полностью отбросил суждения, даже несмотря на то, что моему уму было совершенно ясно, что возможность прогулок этих колоссальных каменных фигур не может даже входить в область хоть сколько-нибудь серьезного обсуждения.

Моя реакция была для меня сюрпризом.

Я подробно объяснил им, что моя идея хождения атлантов по ночам была ясным примером фиксации второго внимания. К такому заключению я пришел на основании следующего:

Во-первых, мы не являемся тем, чем нас заставляет считать наш здравый смысл. В действительности мы светящиеся существа, способные осознать свою светимость.

Во-вторых, как светящиеся существа, осознавшие свою светимость, мы способны раскрыть различные плоскости нашего осознания или нашего внимания, как это называл дон Хуан.

В-третьих, такое раскрытие может быть достигнуто сознательными усилиями, которые делаем мы сами, или же случайно, вследствие телесной травмы.

В-четвертых, было такое время, когда маги сознательно направляли различные стороны своего внимания на материальные объекты.

В-пятых, атланты, судя по их действию, внушающему благоговейный страх, были, должно быть, объектами фиксации магов прежнего времени.

Я сказал, что сторож, рассказавший мне и моему другу, раскрыл, несомненно, другую плоскость своего внимания. Он мог неосознанно, хотя бы на момент, стать восприимчивым проекций второго внимания древних магов. Тогда мне не казалось столь уж невероятным, что человек может зрительно воспринимать фиксацию тех магов.

Если эти маги были членами традиции дона Хуана и дон Хенаро, тогда они должны были быть безупречными практиками, и в этом случае не было бы никаких границ тому, что они могли выполнить при помощи фиксации своего второго внимания. Если они имели намерение, чтобы атланты ходили по ночам, тогда атланты станут ходить по ночам.

По мере того, как я говорил, три сестрички все более сердились на меня. Когда я кончил, Лидия обвинила меня в том, что я ничего не делаю, а только болтаю. Затем они поднялись и вышли, даже не попрощавшись.

Мужчины последовали за ними, но остановились в дверях и попрощались со мной за руку.

– Что-то неладно с этими женщинами, – сказал я.

– Нет, они просто устали от разговоров, – сказала Горда. – они ждут от тебя каких-нибудь действий.

– Как же тогда Хенарос не устали от разговоров? – спросил я ее.

– Они глупее женщин, – ответила она сухо.

– А что касается тебя, Горда? – спросил я. – ты тоже устала от разговоров?

– Я не знаю ничего про себя, – сказала она бесстрастно. – когда я с тобой, я не устаю, но когда я с сестренками, я устаю смертельно так же, как и они.

Я оставался с ними в течение еще нескольких дней, не отмеченных никакими событиями. Было совершенно ясно, что сестренки были враждебны ко мне. Хенарос просто терпели меня кое-как. Только Горде, казалось, было легко со мной. Я удивлялся, почему. Перед отъездом в Лос-Анжелес я спросил ее об этом.

– Не знаю, как это может быть, но я привыкла к тебе, – сказала она. Как будто мы с тобой вместе, а сестренки и Хенарос – это совсем другой мир.

2. Совместное видение

В течение нескольких недель после возвращения в Лос-анжелес я испытывал легкое недомогание, выражающееся в головокружении и внезапной потере дыхания при физическом напряжении. Однажды ночью это достигло кульминационной точки, когда я проснулся в ужасе, потеряв способность дышать. Врач, к которому я обратился, диагностировал мои жалобы как гипервентиляцию, вызванную, скорее всего напряжением. Он прописал мне успокаивающее и посоветовал дышать в бумажный мешок, если приступ еще когда-нибудь повторится.

Я решил вернуться в Мексику, чтобы спросить совета у Горды. Когда я рассказал ей о диагнозе доктора, она спокойно заверила меня, что никакой болезни тут нет, а просто я в конце концов сбросил свои щиты и то, что я испытываю, является потерей «человеческой формы» и входом в новое состояние отделенности от человеческих дел.

– Не борись с этим, – сказала она. – бороться против этого – наша естественная реакция. Поступая так, мы рассеиваем то, что должно произойти. Брось свой страх и теряй свою человеческую форму шаг за шагом.

Она добавила, что в ее случае распад ее человеческой формы начался у нее в матке с отчаянной боли и необычного давления, которое медленно смещалось – вниз к ногам и вверх к горлу. Она сказала также, что последствия ощущаются немедленно.

Я хотел записывать каждый нюанс моего входа в это новое состояние. Я приготовился писать детальный отчет обо всем, что станет происходить, но к моему великому разочарованию ничего больше не происходило. После нескольких дней бесплодного ожидания я отбросил объяснение Горды и решил, что доктор поставил правильный диагноз.

Мне это было совершенно понятно. Я нес ответственность, которая порождала невыносимое напряжение. Я принял лидерство, которое принадлежало мне, по мнению учеников, но я не имел никакого представления, как его вести.

Нагрузка проявилась в моей жизни и более серьезным образом.

Мой обычный уровень энергии непрерывно падал. Дон Хуан сказал бы, что я теряю личную силу и, значит, обязательно потеряю жизнь.

Дон Хуан настроил меня жить исключительно личной силой, что я понимал как состояние бытия, отношения порядка между субъектом и вселенной, отношение, которое не может быть разорвано, не приводя субъекта к смерти. Поскольку никаких мыслимых способов изменить ситуацию не предвиделось, я заключил, что моя жизнь подходит к концу. Мое чувство обреченности, казалось, разъярило всех учеников. Я решил на пару дней уехать, чтобы рассеять свою хандру и их напряжение.

Когда я вернулся, то обнаружил, что они стоят снаружи у дверей дома сестренки так, как если бы они меня ждали. Нестор подбежал к моей машине прежде, чем я выключил мотор, он прокричал, что Паблито сбежал. Он ушел, чтобы умереть, сказал Нестор, в городе Тула, на месте его предков.

Я был в ужасе. Я чувствовал себя виновным.

Горда не разделяла моего отношения к происходящему. Она сияла, светясь удовлетворением.

– Этому красавчику лучше умереть, – сказала она. – все мы теперь будем жить гармонично, как и должны были. Нагваль говорил, что ты внесешь перемену в наши жизни. Что ж, ты ее принес – Паблито нам больше не досаждал. Ты от него избавился. Посмотри, как мы счастливы. Нам без него лучше живется.

Я был вне себя от ее бесчувственности. Я сказал так жестко, как только мог, что дон Хуан

дал нам всем форму жизни воина. Я подчеркнул, что безупречность воина требует, чтобы я не позволил Паблито умереть вот так просто.

– И что же ты собираешься делать? – спросила Горда.

– Я собираюсь взять одного из вас, чтобы жить с ним, – сказал я. – до того дня, когда вы все, включая Паблито, сможете уехать отсюда.

Они посмеялись надо мной, даже Нестор и Бениньо, которых я считал самыми близкими к Паблито. Горда смеялась дольше всех остальных, явно вызывая меня.

Я обратился за моральной поддержкой к Нестору и Бениньо. Они смотрели в сторону.

Я воззвал к высшему пониманию Горды. Я просил ее. Я использовал все доводы, какие только приходили на ум. Она смотрела на меня с глубоким презрением.

– Не будем вмешиваться, – сказала она остальным.

Она улыбнулась мне совершенно пустой улыбкой. Она передернула плечами и поджала губы, как бы чмокая.

– Мы рады видеть тебя с нами, – сказала она мне, – при условии, что ты не станешь задавать вопросов и не будешь разговаривать об этом маленьком своднике.

– Ты, Горда, бесформенный воин, – сказал я, – ты сама мне это говорила. Почему же ты тогда судишь Паблито?

Горда не ответила. Но она приняла удар. Она поморщилась и отвернулась от моего взгляда.

– Горда с нами! – закричала Жозефина высоким визгливым голосом.

Три сестренки окружили Горду и затолкали ее внутрь дома. Я последовал за ними. Нестор и Бениньо тоже вошли.

– Что ты собираешься делать? Взять кого-нибудь из нас силой? – спросила Горда.

Я сказал им всем, что считаю своим долгом помочь Паблито и что я стал бы делать то же самое для любого из них.

– Ты действительно думаешь, что осуществишь это? – спросила Горда с глазами, горящими от злости.

Я хотел яростно закричать, как уже сделал однажды в их присутствии. Но теперь обстоятельства были иными. Я не мог это делать.

– Я собираюсь взять Жозефину, – сказал я. – я – нагваль.

Горда собрала маленьких сестренок и прикрыла их своим телом. Они уже собирались взяться за руки, но что-то во мне знало, что если они это сделают, их объединенная сила станет пугающей и мои усилия забрать Жозефину будут тогда напрасными. Моим единственным шансом было ударить их прежде, чем они успеют соединиться. Я толкнул Жозефину обеими ладонями так, что она волчком вылетела на середину комнаты. Прежде, чем они смогли вновь собраться в группу, я ударил лидию и розу. Они согнулись от боли. Горда бросилась на меня с такой яростью, какой я раньше никогда не видел в ней. Это было похоже на атаку дикого зверя.

Вся ее концентрация была в едином броске ее тела. Если бы она меня ударила, то убила бы. Она промахнулась на дюйм мимо моей груди. Я схватил ее сзади в охапку и мы покатались вместе на землю. Мы катались и катались, пока полностью не выдохлись. Ее тело расслабилось. Она начала гладить тыльную сторону моих рук, которые были крепко сцеплены у нее на животе.

Тут я заметил, что Нестор и Бениньо стоят у дверей. Оба они, казалось, были на грани физического обморока.

Горда смущенно улыбнулась и прошептала мне на ухо, что рада, что я одолел ее.

Я увез Жозефину к Паблито. Я чувствовал, что она – единственная из всех учеников, кто искренне нуждается в том, чтобы за ней кто-то ухаживал, а Паблито меньше всех раздражал ее. Я чувствовал, что его чувство рыцаря заставит его придти ей на помощь, поскольку она будет в такой помощи нуждаться.

Месяц спустя я опять вернулся в Мексику. Паблито и Жозефина вернулись. Они жили вместе в доме Хенарос и делили его с Бениньо и розой. Нестор и Лидия жили в доме Соледад, а Горда жила одна в доме сестричек.

– Тебя не удивляет наша новая аранжировка жилья? – спросила Горда.

Мое удивление было более, чем очевидным. Я хотел узнать все, что стояло за этой новой организацией.

Горда сухим тоном дала мне понять, что за всем этим, насколько ей известно, не было ничего.

Они изображали себе жизнь парами, но не как пары в обычном понимании. Она добавила, что вопреки тому, что я могу думать, они были безупречные воины.

Новая форма была довольно приятной. Все, казалось, полностью успокоились. Не было больше ни подначек, ни вспышек конкуренции между ними. Они стали одеваться в том стиле, какой был принят у индейцев этого района. Женщины были одеты в длинные широкие юбки в складку, которые почти касались пола. Они одевали темные шали и заплетали волосы в косы. Исключением была Жозефина, которая всегда носила шляпу. Мужчины носили легкие белые штаны и рубашки, а на голове соломенные шляпы. Все были обуты в самодельные сандалии.

Я спросил у Горды о причине их нового одеяния. Она сказала, что они готовились уехать. Раньше или позже с моей помощью или без нее, но они собирались покинуть эту долину. Они хотели бы отправиться в новый мир, в новую жизнь. Когда они это сделают, они признают перемену. Чем дольше они носят индейскую одежду, тем более резким будет переход на одежду города.

Она сказала, что их обучали быть текучими, чувствовать себя легко в любой ситуации, в какой бы они ни оказались, и что я был обучен тому же.

Моей задачей было обращаться с ними с легкостью вне зависимости от того, как они вели себя по отношению ко мне. Их задачей, с другой стороны, было покинуть свою долину и поселиться где-либо еще, чтобы убедиться могут ли они быть такими текучими, какими полагается быть воину.

Я спросил ее, каково в действительности ее мнение о наших шансах на успех. Она сказала, что на всех наших лицах начертано поражение. Горда резко изменила тему разговора, сказав, что в своем сновидении она смотрела в гигантское узкое ущелье между двумя огромными круглыми горами. Она считала, что эти круглые горы ей знакомы, и хотела, чтобы я отвез ее в город, расположенный неподалеку. Она считала, не зная почему, что эти две горы расположены там и что указание, полученное ею в ее сновидении, состояло в том, чтобы мы оба отправились туда.

Мы выехали, когда начало светать. Я уже как-то проезжал через этот город. Он был очень небольшим, и я не помнил в его окрестностях ничего похожего на видение Горды. Вокруг него были только размытые холмы. Оказалось, что двух больших гор там действительно не было или же, если они и были, мы не смогли их найти.

Однако в течение двух часов, которые мы провели в этом городе, нас не оставляло ощущение, что мы знали что-то неопределимое – чувство, которое временами переходило в уверенность, а затем опять отступало во тьму и просто в раздражение и замешательство. Посещение этого города странным образом взволновало нас или же, лучше сказать, что по неизвестным причинам мы стали очень беспокойными. Я глубоко ушел в совершенно нелогичный конфликт. Я не помнил, чтобы когда-нибудь останавливался в этом городе, и все же я мог поклясться, что я не только бывал тут, но даже какое-то время жил здесь. Это не было

отчетливым воспоминанием. Я не помнил улицы или дома. То, что я ощущал, было смутным, но сильным предчувствием, что нечто вот-вот прояснится в моем мозгу. Я не знал, что именно, – возможно, просто какое-то воспоминание.

Временами это смутное предчувствие было всепоглощающим, особенно когда я увидел один дом. Я остановил машину перед ним. Мы с Гордой смотрели на него из машины наверное час, но никто из нас не предложил выйти из машины и войти в него.

Мы оба были на грани. Мы стали говорить о ее видении двух гор. Наш разговор скоро перешел в спор. Она считала, что я не принял ее сновидения всерьез. Мы оба разошлись вовсю и кончили тем, что стали орать друг на друга не столько от гнева, сколько от нервного напряжения. Я поймал себя на этом и остановился.

На обратном пути я остановил машину у края грязной дороги. Мы вышли размять ноги. Горда все еще казалась взволнованной. Мы прошлись немного, но было слишком ветрено, чтобы испытывать удовольствие от такой прогулки. Мы вернулись к машине и забрались в нее.

– Если бы ты только привлек свое знание, – сказала Горда просящим тоном. – ты бы понял, что потеря человеческой формы... Она остановилась посреди фразы. Должно быть ее остановила моя гримаса. Она знала о моей внутренней борьбе. Если бы у меня было какое-то знание, которое я мог привлечь, то я уже давно сделал бы это.

– Но ведь мы светящиеся существа, – сказала она тем же умоляющим тоном. – для нас еще так много всего. Ты – нагваль, значит для тебя еще больше.

– Что же по твоему мнению мне следует делать? – спросил я.

– Ты должен оставить свое желание цепляться за все. То же самое происходило со мной. Я цеплялась за такие вещи, как пища, которую я любила, горы, среди которых я жила, люди, с которыми мне нравилось разговаривать. Но больше всего я цеплялась за желание нравиться.

Я сказал ей, что ее советы для меня бессмысленны, потому что я не знаю, за что я цепляюсь. Она настаивала, что где-то, как-то я знаю, что ставлю барьеры потере своей человеческой формы.

– Наше внимание натренировано непрерывно быть в фокусе на чем-то, – продолжала она. – именно так мы поддерживаем мир.

Твое первое внимание было обучено фокусироваться на чем-то, совершенно чуждом мне, но очень знакомом для тебя.

Я сказал ей, что моя мысль гуляет в абстракциях; не таких абстракциях, как, например, математика, но скорее, как категории разума.

– Сейчас самое время уйти от всего этого, – сказала она. – чтобы потерять человеческую форму, ты должен освободиться от всего этого балласта. Ты уравнивал все так основательно, что парализуешь самого себя.

Я был не в состоянии спорить. То, что она называла потерей человеческой формы, было слишком смутной концепцией, чтобы тут же размышлять об этом. Я был поглощен тем, что мы испытали в этом городе. Горда не хотела об этом говорить.

– Единственное, что имеет значение, так это привлечение твоего знания, сказала она. – если тебе нужно, ты умеешь это делать, как в тот день, когда убежал Паблито и я вступила в драку.

Горда сказала, что происшедшее в тот день было примером привлечения человеком его знания. Не отдавая себе в точности отчета в том, что я делаю, я выполнил сложные действия, которые требовали способности видеть.

– Ты не просто напал на нас, – сказала она. – ты видел.

Она была права в каком-то смысле. В тот раз имело место нечто, совсем не похожее на обычный ход вещей. Я детально перебирал воспоминания об этом, связывая их, однако, просто с

личными размышлениями. У меня не было адекватного объяснения всему происшедшему, разве что я мог сказать, что эмоциональное напряжение того момента повлияло на меня невообразимым образом.

Когда я вошел в тот дом и увидел четырех женщин, я осознал в долю секунды, что могу сместить свой обычный способ восприятия. Я увидел 4 аморфных шара, излучавших очень интенсивный желтоватый свет, которые были прямо передо мной. Один из них был более спокойным, более приятным. Другие три были недружелюбные, острыми беловато-желтыми сияниями. Более спокойным желтоватым сиянием была Горда. И в тот момент три недружелюбных сияния угрожающе склонялись над ней.

Шар беловатого цвета, ближайший ко мне, которым была Жозефина, был немного неуравновешенным. Он наклонился, поэтому я дал ему толчок и пнул два других в углубления, которые каждый из них имел с правой стороны. У меня не было сознательной идеи, что я должен их пнуть в это место. Я просто нашел эту выемку подходящей, она каким-то образом приглашала меня пнуть туда ногой. Результат был разрушительным. Лидия и Роза сразу отключились. Я пнул каждую из них в правое бедро. Это не было пинком, который мог бы сломать какую-нибудь кость. Я просто надавил ногой или, вернее, толкнул пузыри света, которые были передо мной. Тем не менее все выглядело так, как будто я нанес им по ужасающему удару в самое уязвимое место на их телах.

Горда была права: я привлек знание, об обладании которым и не подозревал. Если это называется видением, то для моего интеллекта достаточно логично было сделать вывод, что «видение» – это знание тела.

Ведущая роль чувства зрения в нас воздействует на знание тела и создает иллюзию, что оно связано с глазом. То, что я испытал, нельзя было назвать чисто зрительным. Я «видел» шары света чем-то еще помимо моих глаз. Поскольку я осознавал, что в поле моего зрения находятся 4 женщины, то я поэтому имел все время с ними дело. Шары света даже не налагались на них. Эти два набора изображений были отделены друг от друга. Что осложняло для меня все, так это вопрос времени: все было настолько сжато в несколько секунд, и если бы я переходил взглядом от одной сцены к другой, то такой переход должен был бы быть настолько быстрым, что становился бессмысленным.

Поэтому я могу вспомнить только о восприятии двух совершенно различных сцен одновременно.

После того, как я пнул два шара света, желтоватый свет – Горда – бросился на меня. Он бросился не прямо на меня, но целясь в мою левую сторону с того самого момента, как начался бросок. Этот шар явно был намерен промахнуться. Когда свечение прошло мимо меня, я схватил его. Когда я катался с ним по полу, я почувствовал, что вплавляюсь в него. Это был единственный момент, когда я действительно потерял последовательность происходившего. Я вновь осознал себя, когда Горда гладила мне тыльные стороны ладоней.

– В наших сновидениях сестренки и я научились сцеплять руки, – сказала Горда. Мы знаем, как образовать цепь. В тот день нашей проблемой было то, что мы никогда не образовывали цепь вне нашей комнаты. Именно поэтому они потащили меня внутрь. Твое тело знало, что значит для нас сцепить руки. Если бы мы это сделали, то я была бы под их контролем. Они более свирепы, чем я. Их тела плотно закрыты, они не связаны с сексом. Я связана. Это делает меня более слабой. Я уверена, что твоя зависимость от секса затрудняет привлечение твоего знания.

Она продолжала говорить дальше о пагубных последствиях того, что имеет пол. Я чувствовал неудобство. Я попытался увести разговор от этой темы, но она, казалось, была намерена возвращаться все время к этому вопросу, несмотря на то, что видела, как мне не по

себе.

– Поедем с тобой в город мехико, – сказал я в отчаянии, думая, что испугаю ее. Она не отвечала. Она поджала губы, скосив глаза. Она напрягла мышцы подбородка и вывернула верхнюю губу, пока она не выпятилась под самым носом. Ее лицо так исказилось, что я отшатнулся. Реагируя на мое удивление, она расслабила мышцы лица.

– Давай, Горда, поедем в город мехико, – сказал я.

– Конечно, почему бы и нет, – сказала она. – что мне надо для этого?

Я не ожидал такой реакции и кончил тем, что сам испугался.

– Ничего, – сказал я. – мы поедем так, как есть.

Ничего не говоря, она уселась на сидение и мы поехали в сторону города мехико. Было еще рано, даже до полудня было еще далеко. Я спросил, осмелится ли она ехать со мной до Лос-анжелеса. Минуту она, казалось, думала.

– Я только что задала этот вопрос своему светящемуся телу, – сказала она.

– И что оно ответило?

– Оно сказала: если сила это позволит.

В ее голосе было такое богатство чувства, что я остановил машину и обнял ее. Моя привязанность к ней в этот момент была настолько глубока, что я испугался. Она не имела ничего общего с сексом или стремлением к психологической поддержке; это чувство превосходило все, что я знал.

Объятие с Гордой вернуло мне ощущение, которое было у меня ранее, будто что-то во мне собиралось вырваться наружу. Что-то такое, что было отодвинуто в глубину, которую я не мог достичь сознательно. Я почти знал, что это такое, но тут же терял это, когда тянулся за ним.

В город Оаксака мы с Гордой прибыли в начале вечера. Я оставил машину на одной из боковых улочек, и мы прошли к площади в центре города. Мы искали скамейку, на которой обычно сидели дон Хуан и дон Хенаро. Она была не занята. Мы уселись там в благоговейном молчании.

В конце концов Горда сказала, что она была здесь много раз с доном Хуаном, и также еще с кем-то, кого она не может вспомнить. Она не уверена, было это наяву или просто ей снилось.

– Что вы делали с доном Хуаном на этой скамейке? – спросил я.

– Ничего. Мы просто ждали автобуса или грузовика, который подбросит нас в горы, – ответила она.

Я рассказал ей, что когда я сидел с доном Хуаном на этой скамейке, то мы разговаривали часами.

Я рассказал ей о той склонности, которую он имел к поэзии, и как я обычно читал ему стихи, когда нам нечего было больше делать. Он слушал стихи, придерживаясь того мнения, что только первую строфу и лишь иногда вторую стоило слушать; остальные строфы он считал индальгимированием поэта.

Лишь очень не много стихов из сотен, которые я ему прочитал, он прослушал полностью.

Сначала я читал ему то, что мне нравилось, а именно абстрактные двусмысленные, идущие от ума стихи. Позднее он заставлял меня вновь и вновь читать то, что нравилось ему. По его мнению, стихотворение должно быть компактным, желательно коротким. Оно должно быть составлено из точных, прямых и очень простых картин.

В конце дня, на этой скамейке, стихотворение Цезаря Бальехо, казалось, всегда подводило черту под его особое чувство тоски. Я прочитал его Горде по памяти не столько ради нее, сколько ради себя.

Интересно, что она делает в этот час,

Моя милая рита, девушка анд,
Мой легкий тростник, дерево дикой вишни,
Теперь, когда усталость душит меня
И кровь засыпает, как ленивый коньяк.
Интересно, что она делает теми руками,
Которые с постоянной прилежностью
Гладили крахмальную белизну
После полудня.
Теперь, когда этот дождь
Уносит мое желание идти дальше.
Интересно, что стало с ее юбкой с каймой,
С ее вечным трудом, с ее походкой,
С ее запахом весеннего сахарного тростника,
Обычным в тех местах.
Она, должно быть, в дверях
Смотрит на быстро несущиеся облака.
Дикая птица на крыше издает свой крик,
И, вздрогнув, она, наконец, скажет:
«Господи, как холодно».

Воспоминания о доне Хуане были невероятно живыми. Это не было воспоминаниями на уровне моей мысли, так же, как они не были и на уровне всех моих осознаваемых чувств.

Это был неизвестный вид памяти, который заставил меня заплакать. Слезы лились из моих глаз, но они совсем не успокаивали меня.

Последний час дня всегда имел особое значение для дона Хуана. Я перенял у него такое отношение к этому часу и его убеждение в том, что если что-либо важное должно произойти со мной, то оно произойдет именно в этот час.

Горда положила мне голову на плечо. Какое-то время мы оставались в таком положении.

Я чувствовал себя расслабленно. Возбуждение ушло из меня. Странно, что такой простой акт, как то, что я положил свою голову на голову Горды, принес мне такой покой. Я хотел пошутить, сказав ей, что нам следовало бы связать наши головы вместе. Но тут же я понял, что она сразу переиначит мои слова и посмеется надо ними. Тело мое затряслось от смеха, и я понял, что сплю, хотя глаза мои были открыты и я мог легко встать, если бы захотел. Мне не хотелось двигаться, поэтому я остался в том же положении, одновременно бодрствуя, и спя. Я видел, что прохожие глазят на нас, но мне не было до них никакого дела. Обычно мне не нравилось быть объектом внимания. Затем внезапно все люди передо мной превратились в большие пузыри белого света. Я смотрел на светящиеся яйца, не мельком, а непрерывно, впервые в своей жизни. Дон Хуан говорил мне, что человеческие существа кажутся видящему светящимися яйцами. Я уже испытал проблески такого восприятия, но никогда не фокусировал своего зрения на них так, как делал в этот день.

Пузыри света сначала были аморфными, как если бы мои глаза не были сфокусированы, но затем, в одну секунду, мое зрение как бы установилось, и пузыри света стали продолговатыми светящимися яйцами. Они были большими, фактически они были огромными, наверное, больше двух метров длиной и больше одного метра шириной и даже шире. Один раз я заметил в какой-то момент, что яйца больше не двигались, а следили за мной, угрожая наклоняться надо мной. Я осторожно пошевелился и сел прямо. Горда крепко спала у меня на плече. Вокруг нас была

группа подростков. Должно быть, они думали, что мы пьяны. Они передразнивали нас. Самый смелый из подростков касался грудей ла Горды. Я встряхнул ее и разбудил. Мы поспешно встали и ушли. Они последовали за нами, насмехаясь над нами и выкрикивая оскорбления. Присутствие полицейского на углу помешало им продолжать преследование. Мы прошли в полном молчании до того места, где я оставил свою машину. Вечер почти наступил. Внезапно Горда схватила меня за руку. Ее глаза были дикими, рот открыт. Она показала рукой.

– Смотри, смотри! – закричала она. – там нагваль и Хенаро.

Я увидел двух людей, поворачивающих за угол длинного квартала впереди нас. Горда быстро побежала. Я побежал за ней и на ходу спросил, уверена ли она. Она была вне себя. Она сказала, что, когда она взглянула, она увидела, как оба, и дон Хуан, и дон Хенаро, в упор смотрели на нее. В тот момент, когда их глаза встретились с ее глазами, они двинулись прочь.

Когда мы достигли угла, два человека были все еще на том же расстоянии от нас. Я не мог различить их черт. Они были одеты, как мексиканские селяне. Они были в соломенных шляпах. Один был плотным, как дон Хуан, другой был тонким, как дон Хенаро. Оба мужчины завернули за другой угол, и мы опять помчались за ними. Улица, на которую они повернули, была пустынной и вела к окраине города. Она слегка поворачивала влево. Двое мужчин находились как раз там, где улица поворачивала. В этот момент произошло нечто, что заставило меня почувствовать, что это действительно могут быть дон Хуан и дон Хенаро. Это было движение, которое сделал более тонкий человек.

Он повернулся к нам на три четверти оборота и кивнул головой, как бы приглашая следовать за собой; подобный жест дон Хенаро обычно использовал по отношению ко мне, когда мы были в лесу. Он обычно смело шел впереди меня, движением головы приглашая догнать себя.

– Горда начала кричать в полный голос:

– Нагваль! Хенаро! Подождите!

Она бежала впереди меня. Они шли очень быстро по направлению к каким-то хижинам, которые были плохо видны в полутьме. Они, должно быть, вошли в одну из них или повернули в какой-то из нескольких проходов, так как внезапно исчезли из виду.

Горда стояла на месте и изо всех сил, безо всякого стыда, выкрикивала их имена. Люди выходили на улицу, чтобы посмотреть, кто орет. Я держал ее, пока она не успокоилась.

– Они были как раз передо мной, – сказала она, плача. – меньше, чем в трех метрах. Когда я закричала, привлекая твое внимание, они мгновенно оказались за квартал от нас.

Я пытался утихомирить ее. Она была сильно возбуждена. Дрожа, она цеплялась за меня. По какой-то причине я был абсолютно уверен, что эти два человека не были доном Хуаном и доном Хенаро, а поэтому я не разделял возбуждения ла Горды. Она сказала, что нам следует ехать назад, домой, что сила не позволяет ей ехать в лос-анжелес со мной и даже в город мекико. Для такого путешествия еще не пришло время. Она была убеждена, что встреча с ними была указанием. Они исчезли, указав на восток, по направлению к ее родному городу.

У меня не было никаких возражений против того, чтобы сразу же отправиться назад. После всего того, что случилось с нами в этот день, я должен был быть смертельно усталым. Вместо этого я ходуном ходил от совершенно непонятного прилива сил. Это мне напомнило времена с доном Хуаном, когда я чувствовал себя готовым пробивать стены плечом.

На обратном пути в машине я опять был полон очень нежной привязанности к Горде. Я никогда не смогу достаточно отблагодарить ее за помощь. Я думал, что бы она там ни сделала для того, чтобы помочь мне видеть светящиеся яйца, это сработало. Она была такой мужественной, рискуя быть осмеянной и даже затронутой, когда сидела на той скамейке. Я выразил ей свою благодарность. Она посмотрела на меня так, будто я сошел с ума, затем

расхохоталась.

– Я то же самое думала о тебе, – сказала она. – я думала, что это ты так сделал для меня. Я тоже видела светящиеся яйца, для меня это тоже было впервые. Мы одновременно видели вместе! Как это делали обычно нагваль и Хенаро.

Когда я открыл дверцу машины, полное значение того, что мы сделали, поразило меня. До этого момента я был как бы онемелый, что-то во мне замедлилось. Теперь моя эйфория была столь же интенсивной, как совсем недавно – возбуждение Горды. Я хотел выбежать на середину улицы и кричать. Теперь настала очередь Горды сдерживать меня.

Она присела на корточки и помассировала мои икры. Как ни странно, я тотчас же успокоился. Я обнаружил, что мне трудно разговаривать. Мои мысли опережали мою способность обращать их в слова. Теперь я не хотел сразу же ехать назад в ее город. Казалось, еще так много надо сделать. Поскольку я не мог объяснить ясно, чего я хочу, то я практически потащил упирающуюся Горду назад к площади, но в этот час там не было пустых скамеек. Я был голоден, поэтому я повел ее в ресторан. Она думала, что не сможет есть, но когда нам принесли еду, оказалось, что она так же голодна, как и я.

Еда полностью расслабила нас.

Позднее, тем же вечером, мы сидели на скамейке. Я удерживался от разговора о том, что с нами произошло, до тех пор, пока мы не сможем там сесть. Горда сначала ничего не хотела говорить. Мой ум был в странном состоянии возбуждения. У меня были подобные моменты с доном Хуаном, но, как правило, они были связаны с последствием галлюциногенный действий.

Я начал с того, что описал Горде то, что я видел. Что больше всего поразило меня в светящихся яйцах, так это их движения. Они не шли. Они двигались плывущим образом, и, однако, они двигались по земле. То, как они двигались, не было приятным. Их движения были скованными, деревянными, порывистыми. Когда они находились в движении, вся форма яйца становилась меньше и круглее. Они, казалось, прыгали или дергались, или встряхивались вверх-вниз с большой скоростью. Это вызвало очень неприятное нервное чувство. Пожалуй, ближе всего я могу описать физическое неудобство, вызываемое их движением, сказав, что чувство у меня было такое, будто изображения на экране кино давались с нарастающей скоростью.

Что еще меня заинтересовало, так это то, что я не заметил никаких ног. Я однажды видел балетную постановку, в которой танцоры изображали солдат, катающихся по льду на коньках. С этой целью они носили длинные туники, которые свисали до самого пола. Их ног нельзя было увидеть, поэтому создавалась иллюзия, что они скользят по льду. Светящиеся яйца, которые парадом шли мимо меня, создавали впечатление, что они скользят по пересеченной местности. Их светимость встряхивалась вверх-вниз почти незаметно для глаза, тем не менее этого было достаточно, чтобы вызвать у меня болезненное чувство. Когда яйца были в покое, они становились удлиненными. Некоторые из них были такими длинными и застывшими, что невольно рождалась ассоциация с деревянными иконами.

Еще более беспокоящей чертой светящихся яиц было отсутствие глаз. Я никогда так остро не сознавал, насколько сильно мы привязаны к глазам живых существ. Светящиеся яйца были абсолютно живыми, они наблюдали за мной с большим любопытством. Я мог видеть, как они, дергаясь вверх-вниз, перегибались, чтобы посмотреть на меня. Но без всяких глаз.

Многие из этих светящихся яиц имели на себе черные пятна, огромные пятна ниже среднего сечения. Другие их не имели. Горда рассказала мне, что размножение воздействует на тела как мужчин, так и женщин, вызывая появление дыры в нижней части живота, но пятна на этих светящихся яйцах не казались мне похожими на дыру. Это были участки без светимости, но в них не было глубины. Те, что имели черные пятна, казалось, были мягкими и усталыми. Гребень их яйцевидной формы был поникшим (скорлупа их яйца была морщинистой), он

казался темным, непрозрачным по сравнению с остальной их светимостью. С другой стороны, те, кто не имел пятен, были раздражающе яркими. Они казались мне опасными. Они вибрировали, наполненные энергией и белизной.

Горда сказала, что в момент, когда я положил свою голову на ее, она тоже вошла в состояние, напоминающее состояние сновидения. Она бодрствовала и в то же время не могла двигаться. Она осознавала, что кругом люди. Затем она увидела, как они превратились в светящиеся пузыри, а затем в светящиеся яйцевидные существа. Она не знала, что я тоже вижу. Она думала сначала, что я наблюдаю за ней, но в какой-то момент давление моей головы стало настолько сильным, что она совершенно разумно заключила, что я, должно быть, тоже вижу. Лишь после того, как я выпрямился и оттолкнул молодого человека, трогавшего ее, пока она спала, я сообразил, что могло случиться с ней.

То, что мы увидели, различалось, так как она отличала мужчин от женщин по форме каких-то нитей, которые она называла «корни». У женщин, сказала она, связки нитей напоминают львиный хвост, они растут внутрь от того места, где находятся гениталии. Она объяснила, что эти корни были тем, что дает жизнь. Эмбрион, для того чтобы расти, прикрепляет себя к одному из этих питающих «корней» и полностью съедает его, оставляя только дыру. Мужчины, с другой стороны, имеют короткие нити, которые очень живы и плавают почти отдельно от светящейся массы самих тел.

Я спросил ее, что, по ее мнению, было причиной нашего совместного видения. Она уклонилась от каких бы то ни было комментариев, но попросила меня продолжать свои рассуждения. Я сказал ей, что, по моему мнению, единственно очевидным является то, что фактором были эмоции.

После того, как мы с Гордой уселись на любимую скамейку дона Хуана в начале вечера этого дня, я прочитал стихотворение, которое ему очень нравилось, я был заряжен эмоциями. Мои эмоции, должно быть, подготовили мое тело, но я также должен был учесть тот факт, что, занимаясь сновидениями, я научился входить в состояние совершенного спокойствия. Я мог отключать свой внутренний диалог и оставаться как бы внутри кокона, выглядывая через дырочку. В таком состоянии я мог или отбросить часть контроля, который я имел, или же я мог держаться за этот контроль и оставаться пассивным без мыслей и желаний. Однако я не думаю, чтобы это были такие уж значительные факторы. Я считал катализатором Горду. Я считал, что именно мои чувства по отношению к ней создали условия для видения.

Горда смущенно засмеялась, когда я рассказал ей, что думал.

– Я не согласна с тобой, – сказала она. – я думаю, что случилось так, что твое тело начало воспринимать.

– Что ты имеешь в виду, Горда? – спросил я.

Последовала длинная пауза. Казалось, она не то боролась с собой, чтобы сказать что-то, чего она не хочет говорить, не то пыталась найти подходящие слова.

– Я не знаю так много всего, – сказала она, – и в то же время я не знаю, что я знаю. Я помню так много, что в конце концов кончаю тем, что не могу вспомнить ничего. Я думаю, ты в том же положении и сам.

Я заверил ее, что я этого не осознаю. Она отказалась мне поверить.

– Временами я действительно верю, что ты не знаешь, но временами мне кажется, что ты играешь с нами. Нагваль рассказывал мне, что он сам не знал. Мне теперь приходит на память очень многое из того, что о тебе говорили.

– Что значит, что мое тело начало вспоминать? – настаивал я.

– Не спрашивай меня об этом, – сказала она с улыбкой. – я не знаю, что ты должен вспомнить, и даже что это за воспоминание. Я сама этого никогда не делала. Уж настолько-то я

знаю.

– Есть ли кто-нибудь среди учеников, кто мог бы рассказать мне об этом? – спросил я.

– Никто, – сказала она. – я думаю, что я – курьер к тебе, курьер, который на этот раз может принести тебе только половину послания.

Она поднялась и попросила меня ехать назад, в ее город. Я был слишком взволнован, чтобы уехать тут же. По моему предложению мы походили по площади. В конце концов мы сели на другую скамейку.

– Тебе не кажется странным, что мы с такой легкостью можем видеть вместе? – спросила Горда.

Я не знал, что она имеет в виду, поэтому медлил с ответом.

– Что бы ты сказал, если бы я тебе сказала, что, по моему мнению, мы уже раньше видели вместе? – спросила Горда, отчетливо выговаривая слова.

Я не мог понять, что она имеет в виду. Она повторила вопрос еще раз, и все же я не видел в нем смысла.

– Когда мы могли видеть вместе раньше? – спросил я. – твой вопрос не имеет смысла.

– В том-то и беда, – заметила она. – он не имеет смысла, в то же время я чувствую, что мы видели вместе раньше.

Я чувствовал озноб и поднялся. Я опять вспомнил то ощущение, которое было у меня в том городе. Горда открыла рот, чтобы что-то сказать, но остановилась на полуслове. Она посмотрела на меня, ошеломленная, приложила руку к моим губам, а затем буквально потащила меня к машине.

Я вел машину всю ночь. Я хотел разговаривать, анализировать, но она заснула, как если бы намеренно избегала всякого обсуждения. Она была права, конечно, из нас двоих она была тем, кто понимал ту опасность, которая возникала при рассеивании настроения при чрезмерном анализировании его.

Когда мы вышли из машины, приехав к ее дому, она сказала, что мы совсем не должны разговаривать о том, что случилось с нами в оасаке.

– Но почему, Горда? – спросил я.

– Я не хочу тратить нашу силу, – сказала она. – это путь мага. Никогда не растрачивай свои достижения.

– Но если мы не будем говорить об этом, мы никогда не узнаем, что в действительности случилось с нами, – запротестовал я.

– Мы должны молчать по крайней мере девять дней, – сказала она.

– Разве мы не можем поговорить об этом между собой? – спросил я.

– Разговор между собой – это как раз то, чего мы должны избегать. Мы уязвимы. Мы должны дать себе время оправиться.

3. Квазивоспоминания другого "я"

– Не скажешь ли ты, что происходит? – спросил меня Нестор, когда мы собрались вместе в тот вечер. – куда вы вдвоем ездили вчера?

Я забыл рекомендацию ла Горды не говорить о происшедшем с нами и стал им рассказывать, что мы поехали сначала в близлежащий городок и обнаружили там заинтересовавший нас дом. Всех их, казалось, охватила внезапная дрожь. Они встрепенулись, посмотрели друг на друга, а затем на Горду, как бы ожидая, что она расскажет им дальше об этом.

– Что это был за дом? – спросил Нестор.

Прежде чем я начал говорить, Горда прервала меня. Она начала рассказывать торопливо и почти неразборчиво. Мне было ясно, что она импровизирует. Она употребляла слова и даже фразы на языке масатек. Она бросала на меня украдкой взгляды, которые передавали молчаливую просьбу ничего не говорить об этом.

– Как насчет твоих сновидений, нагваль? – спросила она с облегчением, как человек, который выпутался из трудного положения. – нам бы хотелось всем знать обо всем том, что ты делаешь. Я думаю, очень важно, чтобы ты рассказал нам об этом.

Она наклонилась ко мне и осторожно, как только могла, прошептала мне на ухо, что из-за того, что произошло с нами в оасаке, я должен рассказать им о своем сновидении.

– Почему это должно быть важным для вас? – спросил я громко.

– Я думаю, что мы очень близки к концу, – сказала Горда бесстрастно. – все, что ты сейчас скажешь или сделаешь, представляет для нас сейчас величайшую важность.

Я рассказал им содержание того, что считал своим настоящим сновидением. Дон Хуан рассказывал мне, что нет смысла обращать особое внимание на наши попытки. Он дал мне эмпирическое правило. Если я вижу одно и то же три раза, то я должен уделить особое внимание этому; в остальных случаях попытки неопита будут простой ступенью в построении третьего внимания.

Однажды во сне я увидел, что проснулся, и выскочил из постели, тут же обнаружив самого себя, спящего в кровати. Я наблюдал себя спящего и имел достаточно самоконтроля, чтобы вспомнить, что я нахожусь в сновидении. Тогда я последовал указаниям дон Хуана, которые состояли в том, чтобы избегать внезапных встрясок и удивлений и воспринимать все спокойно. Сновидящий, говорил дон Хуан, должен быть погружен в бесстрастное экспериментирование.

Вместо того, чтобы рассматривать свое спящее тело, сновидящий выходит из комнаты. Я внезапно оказался, непонятно, каким образом, снаружи комнаты. И у меня было такое впечатление, что я оказался там мгновенно. Когда я остановился, то холл и лестница показались мне громадными. Если что и испугало меня той ночью, так это размеры этих сооружений, которые в реальной жизни были вполне нормальными. Холл был около 15 метров длиной, а лестница – 16 ступенек.

Я не мог себе представить, как преодолеть те огромные расстояния, которые воспринимал. Я находился в неподвижности, а затем что-то заставило меня двигаться. Однако я не шел, я не чувствовал своих шагов. Совершенно неожиданно я оказался держащимся за перила. Я мог видеть кисти и предплечья рук, но не чувствовал их. Я удерживался при помощи какой-то силы, которая была никак не связана с моей мускулатурой, насколько я ее знаю. То же самое произошло, когда я попытался спуститься с лестницы. Я не знал, как ходить. Я не мог сделать ни шага, будто мои ноги были склеены вместе. Наклоняясь вперед, я мог видеть мои ноги, но не мог двинуть их ни вперед, ни вбок, ни поднять их к груди.

Казалось, я прирос к верхней ступеньке. Я чувствовал себя чем-то вроде тех пластмассовых кукол, которые могут наклоняться в любом направлении до тех пор, пока не примут горизонтального положения лишь для того, чтобы вес тяжелых оснований поднял их вертикально <"ванька-встанька">.

Я предпринимал огромные усилия, чтобы идти и шлепал со ступеньки на ступеньку, как полундутый мяч. Мне потребовалось невероятно большое внимание, чтобы добраться до первого этажа. Я никак не могу иначе это описать. Определенное внимание потребовалось, чтобы сохранить свое поле зрения, чтобы не дать ему распасться на мимолетные картины обычного сна.

Когда я наконец добрался до входной двери, я не мог ее открыть. Я пытался отчаянно, но безуспешно. Затем я вспомнил, что выбрался из своей комнаты, выскользнув из нее, как если бы дверь была открыта. От меня потребовалось только вспомнить то чувство выскользывания, и внезапно я был уже на улице. Было тепло. Особая свинцово-серая темнота не позволяла мне воспринимать никаких цветов. Весь мой интерес был тотчас притянут к широкому полю яркого света. Передо мной на уровне глаз я скорее вычислил, чем воспринял, что это был уличный фонарь, поскольку я помню, что такой фонарь находился сразу на углу, в шести метрах над землей. Тут я понял, что не могу привести свое восприятие в соответствующий порядок, чтобы можно было правильно судить, где есть верх, где низ, где здесь, где там. Все казалось необычным. У меня не было никакого механизма, как в обычной жизни, чтобы построить свое восприятие.

Все находилось на переднем плане, а у меня не было желания заниматься необходимой процедурой настройки восприятия.

Ошеломленный, я находился на улице, пока у меня не появилось ощущение, что я левитирую.

Я удерживался за металлический столб, на котором висели фонарь и уличный знак на углу. Сильный ветер поднимал меня вверх. Я скользнул вверх по столбу, пока не смог ясно разобрать название улицы: Аштон.

Несколько месяцев спустя, когда я снова оказался в сновидении, у меня уже был репертуар того, что мне надо было делать, глядя на свое спящее тело. В ходе своих регулярных сновидений я узнал, что в этих сновидениях значение имеет волевое усилие, а сама реальность тел значения не имеет. Я выскользнул из комнаты без колебаний, поскольку мне не нужно было открывать дверей, ни ходить, для того, чтобы двигаться. Именно память тормозит сновидящего. Холл и лестница уже не были такими большими, какими они показались мне в первый раз. Я проскользнул с большой легкостью и оказался на улице. Где пожелал себе передвинуться на три квартала дальше. Я воспринимал фонари, как очень беспокойное зрелище. Если я фокусировал на них свое внимание, они разливались неизмеримыми озерами света. Остальные элементы этого сновидения контролировать было легко. Дома были необыкновенно большими, но очертания были знакомы. Я колебался, что делать дальше. А затем, совершенно случайно, я понял, что если я не смотрю пристально на предметы, а только взглядываю на них, как мы это делаем в повседневной жизни, то могу приводить в порядок свое восприятие: другими словами, если я буквально следовал советам дона Хуана и принимал свое сновидение, как само собой разумеющееся, то я мог пользоваться способами восприятия, присущими повседневной жизни. Через несколько секунд окружающее стало контролируемым, хотя и не полностью знакомым.

В следующий раз, когда у меня было подобное сновидение, я отправился в любимую кофейню на углу. Причина, по которой я ее выбрал, была в том, что я обычно ранним утром шел туда пить кофе. В своем сновидении я увидел официантку, работавшую в ночную смену. Я увидел несколько человек, которые ели за стойкой, а в самом углу стойки я увидел любопытное

лицо человека, которого я видел каждый день бродящим по университетскому городку. Он был единственным, кто действительно взглянул на меня. В ту же секунду, как я вошел, он, казалось, почувствовал это. Он повернулся и уставился на меня.

Несколько дней спустя я рано утром, в бодрствующем состоянии, в том же кафе встретил того же самого человека. Он бросил на меня взгляд и, казалось, узнал меня. Он очень испугался и стремглав убежал, не дав мне возможности заговорить с ним.

Когда я еще один раз пришел в то кафе, ход моих сновидений изменился. Пока я наблюдал за этим через улицу, вид стал совершенно иным.

Я больше не видел знакомых домов. Вместо этого я видел первобытную картину. Был ясный день, и я смотрел на заросшую долину. Болотистые, темно-зеленые, похожие на тростник растения покрывали все. Рядом со мной находился уступ скалы двух-трех метров высотой. Громадный саблезубый тигр сидел на нем. Я окаменел от ужаса. Мы долгое время пристально смотрели друг на друга.

Размеры зверя были поразительными, однако он не выглядел гротескным или непропорциональным. У него была великолепная голова, большие глаза цвета темного меда, массивные лапы, громадная грудная клетка.

Больше всего на меня произвела впечатление окраска его шкуры. Она была равномерно-коричневая, почти шоколадная. Цвет меха напоминал поджаренные кофейные зерна, только мех еще блестел; шерсть была странно длинной, но гладкой и чистой. Она не была похожа на мех пумы, волка или белого медведя. Мех выглядел похожим на что-то, никогда мной не виденное.

Начиная с этого времени, для меня стало обычным видеть этого тигра. Временами эта местность была затянута облаками или накрапывал дождь. Иногда я видел в долине дождь крупный, проливной. Временами же долина была залита солнцем. Довольно часто я видел в долине и других саблезубых тигров. Я мог слышать их своеобразный взвизгивающий рев – крайне отвратительный звук для меня.

Тигр ни разу не тронул меня. Мы смотрели друг на друга с расстояния 2-3 метров. Тем не менее я мог понять, чего он хочет. Он показывал мне особый способ дыхания. Я уже дошел в своих сновидениях до такой точки, что мог настолько хорошо имитировать дыхание тигра, что я начинал чувствовать, что сам превращаюсь в тигра. Я рассказал своим ученикам, что осязательным результатом таких сновидений было то, что мое тело сразу стало более мускулистым.

Выслушав мой отчет, Нестор поразился, насколько их сновидения отличались от моих. У них были определенные задачи сновидения. Его задачей было находить лекарства от болезней человеческого тела. Задачей Бениньо было предсказать, предвидеть и найти решение всего, что касалось человека. Задачей Паблито было учиться строить.

Нестор сказал, что именно эти задачи были причиной того, что он занимался лекарственными растениями. Бениньо имел священные книги. Паблито был плотником. Он добавил, что до сих пор они только касались поверхности сновидения и ни о чем существенном они пока говорить не могут.

– Ты можешь думать, что мы много сделали, – продолжал он, – но это не так. Хенаро и нагваль все сделали для нас и этих четырех женщин. Самостоятельно мы еще ничего не сделали. Похоже на то, что нагваль учил тебя иначе, чем нас, – сказал Бениньо очень медленно и значительно. – ты, должно быть, был тигром и определенно опять в него превратишься. Именно это произошло с нагвалем. Он был вороной и еще в этой жизни опять превратился в нее.

– Проблема в том, что такой род тигра не существует больше, – сказал Нестор. – мы никогда не слышали, что бывает в таких случаях, – он повел головой, как бы приглашая всех присутствующих присоединиться к нему.

– Я знаю, что происходит, – сказала Горда. – я помню, что нагваль Хуан Матус называл это

сновидением призрака. Он сказал, что никто из нас не совершал еще сновидения призрака, потому что в нас нет разрушения и насилия. Он сам никогда его не совершал. И он сказал, что тот, кто его делает, отмечен судьбой иметь помощников среди призраков и Олли.

– Что это значит, Горда? – спросил я.

– Это значит, что ты не такой, как мы, – ответила она бесстрастно.

Горда казалась очень возбужденной. Она поднялась и четыре или пять раз прошлась по комнате, прежде чем села около меня.

В разговоре наступил перерыв. Жозефина бормотала что-то невразумительное. Она тоже казалось очень нервной. Горда пыталась успокоить ее, обняв за плечи и поглаживая ее по спине.

– У Жозефины есть кое-что для тебя об Элихио, – сказала мне Горда.

Все посмотрели на Жозефину без слов, но вопрошающе.

– Несмотря на тот факт, что Элихио исчез с лица земли, – продолжала Горда, – он все еще один из нас, и Жозефина все время разговаривает с ним.

Все посмотрели друг на друга и сразу стали очень внимательны, затем все посмотрели на меня.

Они встречаются в сновидениях, – сказала Горда выразительно.

Жозефина глубоко вздохнула. Она казалась воплощением нервозности. Ее тело непроизвольно тряслось. Паблито лег на нее и стал энергично дышать диафрагмой, заставляя ее дышать в унисон с ним.

– Что он делает? – спросил я Горду.

– Что он делает? Разве ты не видишь? – резко ответила она.

Я прошептал, что понимаю, что он пытается ее расслабить, но его процедура для меня нова. Она сказала, что Паблито передает Жозефине свою энергию, поместив среднюю часть своего тела, где у мужчины ее избыток, напротив матки Жозефины, где женщины хранят свою энергию.

Жозефина села и улыбнулась мне. Она выглядела совершенно расслабившейся.

– Я действительно все время встречаю Элихио, – сказала она. – он ждет меня каждый день.

– Как получилось, что ты никогда об этом не говорила? – спросил Паблито недовольным тоном.

– Она говорила мне, – прервала ее Горда, а затем вошла в длинные объяснения того, как много для всех нас означает доступность Элихио. Она добавила, что ожидала от меня знака, чтобы передать слова Элихио.

– Не ходи вокруг да около, женщина! – закричал Паблито. – скажи нам его слова.

– Они не для тебя! – крикнула ему Горда.

– Для кого же они тогда? – спросил Паблито.

– Они для нагваля, – крикнула Горда, указывая на меня.

Горда извинилась за то, что повысила голос. Она сказала, что все, что Элихио говорил, было сложным, загадочным, и она не может в этом разобраться.

– Я просто слушала его. Это все, что я могла сделать, слушать его, – продолжала она.

– Ты хочешь сказать, что тоже встречала Элихио? – тоном, в котором было максимум злости и ожидания, спросил Паблито.

– Да, – ответила Горда почти шепотом. – я не могла об этом говорить, потому что должна была ждать его.

Она указала на меня, а затем резко толкнула меня обеими руками. Я моментально потерял равновесие и шлепнулся на бок.

– Что это такое?

– Что ты с ним делаешь? – спросил Паблито тоном очень сердитым.

– Это что, было проявлением индейской любви? – я повернулся к Горде. Она сделала

губами знак, чтобы я успокоился.

– Элихио сказал, что ты – нагваль, но ты не для нас, – сказала мне Жозефина.

В комнате настала мертвая тишина. Я не знал, как воспринимать заявление Жозефины, и ждал, пока заговорит кто-нибудь другой.

– Ты чувствуешь облегчение? – уколола меня Горда.

Я сказал им всем, что у меня вообще нет никакого мнения по выбору того или иного пути. Они выглядели, как рассерженные дети.

У Горды был вид хозяйки церемонии, которая была очень недовольна. Нестор поднялся и посмотрел на Горду. Он сказал ей что-то на языке масатек. Это прозвучало как команда или просьба.

– Расскажи нам все, что ты знаешь, – продолжал он по-испански. – ты не имеешь права играть с нами и держать при себе нечто столь важное.

Горда запротестовала. Она сказала, что удалила все, что знала, по просьбе Элихио. Кивком головы Жозефина подтвердила ее слова.

– Он говорил все это тебе или Жозефине? – спросил Паблито.

– Мы были все вместе, – сказала Горда едва слышным шепотом.

– Ты хочешь сказать, что вы с Жозефиной были вместе в сновидении? – у Паблито перехватило дыхание.

Удивление в его голосе, казалось, соответствовало тому потрясению, которое, казалось, прокатилось по всем остальным.

– Что же в точности сказал Элихио вам двоим? – спросил Нестор, когда прошел шок.

– Он сказал, что я должна попытаться помочь нагвалю вспомнить его левую сторону, – сказала Горда.

– Ты понимаешь, о чем она говорит? – спросил меня Нестор.

Было бы невероятным, если бы я понимал. Я сказал, чтобы они обратились за ответом к самим себе. Но никто из них не высказал никаких предположений.

– Он говорил Жозефине и другие вещи, которые она не может вспомнить, – сказала Горда. – поэтому мы действительно в трудном положении. Элихио сказал, что ты определенно нагваль и что ты должен нам помочь. Но что ты не для нас. Только вспомнив свою левую сторону, ты сможешь взять нас туда, куда мы должны идти.

Нестор заговорил с Жозефиной отеческим голосом, побуждая ее вспомнить, что сказал Элихио, не настаивая на том, чтобы я вспомнил что, что, вероятно, было каким-то кодом, поскольку никто из нас не видел в этом никакого смысла.

Жозефина моргала и гримасничала, как если бы на нее давил тяжелый груз – она и выглядела в действительности тряпичной куклой, которую расплющили. Я с тревогой наблюдал за ней.

– Не могу, – сказала наконец она. – когда он со мной разговаривает, я знаю, что он говорит, но сейчас я не могу сказать, что это было.

Ты не помнишь каких-нибудь слов? – спросил Нестор. – каких-нибудь отдельных слов?

Она высунула язык, потрясая головой с боку на бок, взвизгивая одновременно.

– Нет, не могу, – сказала она через секунду.

– Какого рода сновидениями ты занимаешься? – спросил я.

– Только теми, которые я знаю, – бросила она.

– Я рассказывал тебе, как делал их я, – сказал я. – теперь расскажи мне о своих.

– Я открываю глаза и вижу стену. Она, как стена тумана; там меня ждет Элихио. Он проводит меня через нее и показывает мне разные вещи. Я не знаю, что мы делаем, но мы что-то делаем вместе, и потом я возвращаюсь и забываю то, что видела.

– Как оказалось, что ты пошла с Гордой? – спросил я.

– Элихио сказал, чтобы я привела ее, – сказала она. – мы вдвоем подождали Горду, и, когда она вошла в свое сновидение, мы схватили и протолкнули сквозь стену ее. Мы сделали это дважды.

– Как вы схватили ее? – спросил я.

– Не знаю, – ответила Жозефина. – но я подожду тебя, и тогда ты узнаешь.

– Ты можешь схватить любого? – спросил я.

– Конечно, – ответила она, улыбаясь. – но я не делаю этого потому, что это не нужно. Я схватила Горду потому, что Элихио говорил мне, что он хочет ей что-то сказать, потому что она умнее меня.

– Тогда Элихио говорил тебе то же самое, Горда, – сказал Нестор с твердостью, какая была мне не знакома.

Горда сделала необычный жест, опуская голову, приоткрывая углы рта, пожимая плечами и подняв руки над головой.

– Жозефина рассказала тебе, что происходило, – сказала она. – я не могу вспомнить, Элихио говорит на другой скорости. Он говорит, но мое тело не понимает его. Нет. Мое тело не сможет вспомнить, вот в чем дело. Я лишь знаю: он сказал, что нагваль, который здесь, вспомнит и возьмет нас туда, куда нужно идти. Он не мог сказать мне больше, потому что времени было мало. Он сказал, что кто-то, но я не помню, кто, ждет именно меня.

– Это все, что он сказал? – наседал Нестор.

– Когда я увидела его вторично, он сказал, что все мы должны будем вспомнить свою левую сторону, рано или поздно, если мы хотим попасть туда, куда нам надо идти. Но вот он должен вспомнить первым. – она указала на меня и опять толкнула так же, как прежде. Сила ее толчка заставила меня покатиться по полу, как мяч.

– Зачем ты это делаешь, Горда? – спросил я, несколько недовольный.

– Я пытаюсь помочь тебе вспомнить, – сказала она. – нагваль Хуан Матус говорил мне, что тебя надо время от времени толкать, чтобы ты встряхнулся.

Совершенно внезапно Горда обняла меня:

– Помоги нам, нагваль, – просила она. – если ты этого не сделаешь, нам лучше умереть.

Я был близок к слезам. Не столько из-за....., сколько потому, что что-то боролось во мне, внутри. Это было что-то такое, что все время прорывалось наружу с тех пор, как мы посетили город. Мольба Горды разрывала сердце. У меня опять начался приступ того, что походило на гипервентиляцию. Холодный пот залил меня. Затем мне стало плохо с животом. С безграничной нежностью Горда ухаживала за мной.

Верная своей тактике ожидания, Горда не хотела обсуждать наше совместное видение в оасаке. Целыми днями она оставалась замкнутой и решительно незаинтересованной. Она не собиралась обсуждать даже то, что мне стало плохо. Так же поступали и остальные женщины.

Дон Хуан обычно подчеркивал необходимость дожидаться самого подходящего времени для того, чтобы избавиться от чего-либо, что мы держим, и я понял механику действия Горды, хотя был недоволен ее упорством в выжидании. Это не соответствовало нашим интересам. Я не мог находиться здесь слишком долго, поэтому я потребовал, чтобы мы все собрались вместе и поделились тем, кто что знает. Она была непреклонна.

– Мы должны ждать, – сказала она. – мы должны дать шанс нашим телам добраться до решения. Наша задача – это задача вспомнить не умом, а телом. Все понимают это.

Она испытующе посмотрела на меня. Она, казалось, высматривала намек, который показал бы ей, что я точно понял задачу. Я признал, что я полностью озадачен, потому что я был чужим. Я был один, в то время как они поддерживали друг друга.

– Это молчание воинов, – сказала она, смеясь, а затем добавила примирительным тоном: – это молчание не означает, что мы не можем разговаривать о чем-нибудь другом.

– Может быть, вернемся назад к нашему разговору о потере человеческой формы? – спросил я.

В ее взгляде было недовольство. Я многословно объяснил, что должен понимать значение всего, в особенности когда участвуют незнакомые концепции.

– Что в точности ты хочешь узнать? – спросила она.

– Что угодно, что ты захочешь рассказать мне, – сказал я.

– Нагваль говорил мне, что потеря человеческой формы приносит свободу, – сказала она.

– Я верю этому, но не ощущаю этой свободы пока что.

Последовала минута молчания. Она, очевидно, следила за моей реакцией.

– Что это за свобода, Горда? – спросил я.

– Свобода вспомнить свое «я», – сказала она. – нагваль сказал, что потеря человеческой формы подобна спирали. Она дает свободу вспоминать, а это, в свою очередь, делает тебя еще более свободным.

– Почему ты еще не чувствуешь этой свободы? – спросил я.

Она щелкнула языком и пожалала плечами. Казалось, она была в затруднении или не желала продолжать наш разговор.

– Я связана с тобой, – сказала она. – до тех пор, пока ты не потеряешь человеческую форму, чтобы вспомнить, я не смогу узнать, что означает эта свобода. Но, может быть, ты не сможешь потерять человеческую форму до тех пор, пока не вспомнишь. Во всяком случае, нам не следует об этом разговаривать. Почему ты не пойдешь и не поговоришь с Хенарос?

Это прозвучало так, как будто мать посылает ребенка погулять. Я совсем не обиделся. Если бы так сказал кто-нибудь другой, то я легко мог бы принять это за враждебность или жалость.

Мне нравилось быть с ней. В этом была разница.

Я нашел Паблито, Нестора и Бениньо в доме Хенаро, занятых странной игрой. Паблито болтался в полутора метрах над землей, заключенный во что-то вроде кожаного корсета или сбруи, прикрепленной к его груди и запястьям. Корсет напоминал толстый кожаный жилет.

Посмотрев пристальней, я заметил, что Паблито в действительности стоит на толстых петлях, которые свисали с его жилета подобно стремянам. Он был подвешен в центре комнаты на двух веревках, переброшенных через толстую круглую потолочную перекладину, которая поддерживала крышу. Каждая веревка была прикреплена к самому корсету над плечами Паблито при помощи металлического кольца.

Нестор и Бениньо держали каждый по веревке. Натягивая веревку, они держали Паблито в воздухе, стоя лицом друг к другу. Паблито изо всех сил держался за два тонких шеста, которые были установлены на полу и удобно входили в его стиснутые ладони.

Нестор был слева от Паблито, а Бениньо справа.

Игра походила на трехстороннее перетягивание каната, на отчаянную битву между тем, кто тянул, и тем, кто подвешен.

Когда я вошел в комнату, было слышно только тяжелое дыхание Нестора и Бениньо. Мышцы на их руках и шеях вздулись от напряжения.

Паблито следил за ними обоими, взглядывая на каждого из них попеременно мгновенным взглядом.

Все трое настолько ушли в свою игру, что даже не заметили моего присутствия, а если и заметили, то не могли прервать свою концентрацию, чтобы приветствовать меня.

В течение десяти-пятнадцати минут Нестор и Бениньо пристально смотрели друг на друга в полном молчании. Затем Нестор притворился, будто кусает свою веревку. Бениньо на это не

попался, а Паблито поверил. Он усилил свою хватку левой рукой и зацепился ногами за шесты для того, чтобы усилить свое положение. Бениньо воспользовался этим моментом, сделал могучий рывок как раз в тот момент, когда Паблито ослабил хватку.

Рывок Бениньо застал Паблито и Нестора врасплох. Бениньо всем своим весом повис на веревке. Нестор был перетянут. Паблито отчаянно пытался уравновесить себя. Это было бесполезно. Бениньо выиграл игру.

Паблито выбрался из корсета и подошел ко мне. Я спросил его об их необычной игре. Ему, казалось, не хотелось рассказывать. Нестор и Бениньо примкнули к нам после того, как сняли свои приспособления. Нестор сказал, что их игра изобретена Паблито, который нашел эту конструкцию в своих сновидениях, а затем построил ее, как игру. Сначала это было устройство, чтобы напрягать мышцы двоих в одно и то же время. Кто-нибудь один, по очереди, бывал подвешенным, а затем сновидение Бениньо дало им возможность переделать игру так, чтобы все трое напрягали мышцы. Они также обостряли быстроту реакции зрения, оставаясь в состоянии бдительности иногда целыми часами.

– Теперь Бениньо думает, что это помогает нашим телам вспоминать, – продолжал Нестор. – Горда, например, чертовски здорово играет в эту игру. Она выигрывает всегда, в каком бы положении она ни находилась. Бениньо думает, что это потому, что ее тело вспоминает.

Я спросил, есть ли у них правило молчания. Они рассмеялись. Паблито сказал, что Горда больше всего хочет походить на нагваля Хуана Матуса, она намеренно подражает ему, вплоть до самых нелепых деталей.

– Вы не будете против, если мы поговорим о том, что произошло прошлой ночью? – спросил я в замешательстве, поскольку Горда была столь решительно против этого.

– Нам все равно, – сказал Паблито. – ты – нагваль.

– Бениньо тут вспомнил кое-что действительно таинственное, – сказал Нестор, не смотря на меня.

– Сам-то я думаю, что это был просто запутанный сон, но Нестор думает иначе.

Я с нетерпением ждал и кивком головы попросил их продолжать.

– Простой ночью он вспомнил, как ты учил его искать следы следы на мягкой почве, – сказал Нестор.

– Должно быть, это был сон, – сказал я. Я хотел рассмеяться над этим абсурдом, но они все трое смотрели на меня умоляющими глазами.

– Чепуха, – сказал я.

– В любом случае я лучше скажу тебе, что у меня тоже были похожие воспоминания, – сказал Нестор.

– Ты водил меня в какие-то скалы и показывал, как надо прятаться. У меня это не было сном. Я бодрствовал. Я шел с Бениньо за растениями и внезапно вспомнил, как ты учил меня. Поэтому я и спрятался так, как ты мне показывал, и напугал Бениньо до полусмерти.

– Я учил тебя?! – вскричал я. – как это может быть? Когда? – я начал нервничать. Казалось, они не шутили.

– Когда? В том-то и дело, – сказал Нестор. – мы не можем сказать, когда. Но Бениньо и я знаем, что это был ты.

Я чувствовал себя глубоко придавленным. Дышать было трудно. Я боялся, что мне опять станет плохо. Я решил тут же рассказать о нашем с Гордой совместном видении.

Рассказывая об этом, я расслабился. В конце рассказа я уже опять взял контроль над собой.

– Нагваль Хуан Матус оставил нас чуть приоткрытыми, – сказал Нестор. – все мы видим немножко. Мы видим дыры в людях, у которых были дети, а также время от времени мы видим небольшое сияние в людях. Поскольку ты не видишь совсем, похоже на то, что нагваль оставил

тебя совсем закрытым для того, чтобы ты сам открылся изнутри. Теперь ты помог Горде, и она не то видит внутри, не то выезжает на тебе.

Я сказал, что то, что случилось, могло быть случайным.

Паблито решил, что нам следует пойти на любимую скалу Хенаро и посидеть там, сблизив головы вместе. Двое остальных нашли эту идею блестящей. Я не возражал. Хотя мы сидели очень долго, ничего не произошло. Тем не менее, они неплохо отдохнули.

Пока мы были на скале, я рассказал им о тех двух людях, которые, по мнению Горды были доном Хуаном и доном Хенаро. Они соскочили с камня и буквально потащили меня в дом Горды. Нестор был возбужден больше всех. Он был почти невменяем. Единственное, чего я смог от них добиться, так это то, что все они ожидали этого знака.

Горда ожидала нас у двери. Она знала, что я все рассказал.

– Я просто хотела дать своему телу время, прежде чем мы успеем что-то рассказать. Я должна быть совершенно уверена, и теперь я знаю, что это так. Это были нагваль и Хенаро.

– Что находится в тех хижинах? – спросил Нестор.

– Они не вошли в них, – сказала Горда. – они ушли в сторону открытых полей, в сторону востока, в направлении нашего города.

Она, казалось, склонна была успокаивать их. Она просила их остаться, но они не захотели. Они извинились и вышли. Я был уверен, что они неловко себя чувствовали в ее присутствии. Она выглядела очень сердитой. Я наслаждался взрывами ее эмоций, и это было совершенно несвойственно моим обычным реакциям. Я всегда чувствовал себя взвинченным в присутствии кого-либо, кто был взволнован. Горда была загадочным исключением.

В начале того вечера мы все собрались в комнате Горды. Все они были задумчивы. Они сидели в молчании, глядя в пол. Горда попыталась начать разговор. Она сказала, что не бездельничала и, сложив два плюс два, получила некий ответ.

– Вопрос не в том, чтобы сложить два плюс два, – сказал Нестор. – задача состоит в том, чтобы заставить тело вспоминать.

Похоже было, что они говорили между собой, судя по тем кивкам согласия, которые Нестор получил от остальных. Это поставило меня и Горду в положение посторонних.

– Лидия тоже помнит кое-что, – продолжал Нестор. – она считала это своей глупостью, но, услышав о том, что вспомнил я, она рассказала нам, что вот этот нагваль возил ее к лекарю и оставил ее там, чтобы она вылечила глаза.

Мы с Гордой повернулись к лидии. Она опустила голову как бы в раздражении и что-то бормотала. Похоже, что воспоминание было слишком болезненным для нее. Она сказала, что, когда дон Хуан впервые нашел ее, ее глаза были поражены инфекцией, что она не могла видеть. Кто-то отвез ее на машине очень далеко к лекарю, который и вылечил ее. Она всегда была убеждена, что это сделал дон Хуан, но услышав мой голос, она поняла, что это именно я возил ее туда. Несоответствие таких воспоминаний бросало ее в дрожь уже с первого дня, как она меня встретила.

– Мои уши не лгут мне, – добавила Лидия после долгого молчания. – именно ты вез меня туда.

– Невозможно! Невозможно! – закричал я.

Мое тело начало неконтролируемо трястись. У меня появилось чувство раздвоенности. Вероятно то, что я называю своим рассудком, не могло больше контролировать меня всего и заняло место зрителя. Какая-то часть меня наблюдала за тем, что другая часть меня тряслась.

4. Пересечение границ привязанности

- Что с нами происходит? – спросил я, когда другие ушли домой.
- Наши тела вспоминают, но я не могу понять, что именно, – сказала она.
- Ты веришь воспоминаниям лидии, Нестора и Бениньо?
- Конечно, они серьезные люди. Они ничего не говорят просто так, чтобы подурочить нас.
- Но то, что они говорят – невозможно. Мне-то ты веришь, Горда?
- Я верю, что ты не помнишь, но тогда... – она не кончила. Она подошла ко мне и стала

шептать мне на ухо. Она сказала, что имеется нечто такое, о чем нагваль дон Хуан Матус взял с нее обещание не говорить, пока не придет нужное время. Козырной картой нужно пользоваться тогда, когда нет другого выхода. Драматическим шепотом она добавила, что нагваль предвидел их новое обстоятельство жизни, которое явилось результатом того, что я взял Жозефину в Тулу, чтобы она была там с Паблито. Она сказала, что имеется слабенький шанс того, что мы добьемся успеха как группа, если последуем единственному ходу такой организации.

Горда объяснила, что поскольку мы разделены на пары, то мы организовали живой организм, мы были змеей, гремучей змеей. У змеи четыре отдела, и она разделена на две половины: мужскую и женскую. Она сказала, что мы с ней образуем первую часть змеи – голову. Это холодная, расчетливая, ядовитая голова.

Вторая часть образована Нестором и лидией. Это твердое, чистое сердце змеи. Третье, брюхо, – подвижное, переменчивое, ненадежное – образовано Паблито и Жозефиной. А четвертый отдел – хвост, где расположена гремучка, которая в реальной жизни может греметь до бесконечности на своем цоцильском наречии, – Бениньо и Роза.

Горда встала и распрямилась. Она улыбнулась мне и похлопала меня по спине.

– Элихио сказал еще одно слово, которое вспомнилось мне, – продолжала она. – Жозефина согласна со мной, что он вновь и вновь говорил слово «след». Мы поедем по следу.

Не дав мне возможности задать ей какой-нибудь вопрос, она сказала, что собирается немного поспать, а затем соберет всех, чтобы отправиться в путешествие.

Мы отправились перед полуночью, при ярком свете луны. Сначала никто не хотел идти, но Горда ловко описала им «дон-Хуановское» так называемое строение змеи. Перед выходом Лидия предложила, чтобы мы позаботились о провизии на тот случай, если путешествие затянется.

Горда сняла ее предложение на том основании, что мы не знаем, что за путешествие нас ждет. Она сказала, что нагваль дон Хуан Матус однажды указал ей на начало тропы и сказал, что при удобном случае мы должны собраться на этом месте и позволить силе следа открыться нам. Горда добавила, что это не обычная козья тропа, а естественная линия на земле, которая, по словам нагваля, может дать нам силу и знание, если мы сможем следовать по ней и стать с ней единым целым.

Мы двигались под смешанным руководством, Горда дала нам толчок, а Нестор знал местность. Она привела нас к определенному месту в горах. После этого Нестор взял руководство и нашел тропу. Наше образование было очевидным, то есть голова вела, а остальные располагались соответственно анатомической модели змеи: сердце, брюхо и хвост. Мужчины шли справа от женщин. Каждая пара шла в полутора метрах позади предыдущей.

Мы шли так быстро и так неслышно, как только могли. По временам лаяли собаки, а когда мы поднялись выше в горы, остались только звуки сверчков. Мы шли еще какое-то время. Внезапно Горда остановилась и схватила меня за руку. Она показала вперед.

В сорока-пятидесяти метрах, прямо посередине тропы, находился громоздкий силуэт

огромного человека, около двух с половиной метров высотой. Он преграждал нам дорогу. Мы столпились плотной кучкой. Наши глаза были прикованы к темной фигуре. Она не двигалась. Некоторое время спустя Нестор один сделал несколько шагов вперед. Лишь после этого фигура двинулась. Она двигалась нам навстречу. Каким бы гигантским ни был этот человек, но двигался он плавно.

Нестор бегом вернулся обратно. В тот момент, когда он присоединился к нам, человек остановился. Горда сделала шаг вперед, а человек сделал шаг по направлению к нам. Было очевидно, что если мы продолжим двигаться вперед, мы столкнемся с гигантом. Мы были ему не чета, чем бы он ни был. Я принял инициативу на себя и толкнул всех назад и быстро увел их с этого места.

Мы шли обратно к дому Горды в полном молчании. Лишь через несколько часов мы были там. Мы полностью выдохлись. Когда мы благополучно уселись в ее комнате, Горда заговорила.

– Мы обречены, – сказала она. – эта штука, которую мы увидели на тропе, была одним из твоих олли; ты не хотел, чтобы мы двигались вперед. Твои олли выскакивают из своих укромных мест, когда ты подталкиваешь их.

Я не ответил. Не было смысла протестовать. Я вспомнил, как множество раз я сам считал, что дон Хуан и дон Хенаро были в заговоре друг с другом. Я думал, что пока дон Хуан разговаривает со мной в темноте, дон Хенаро переодевается для того, чтобы напугать меня, и дон Хуан утверждает потом, что меня пугали олли.

Сама мысль о том, что существуют олли и тому подобное, что избегает нашего повседневного внимания, была слишком неприемлемой для меня. Но затем я в своей жизни убедился, что олли, которых описывает дон Хуан, существуют действительно. В мире, как он говорил, есть всевозможные твари.

Авторитетным тоном, что редко бывает в моей повседневной жизни, я сказал Горде и остальным, что у меня есть для них предложение, которое они могут принимать или нет. Если они готовы двинуться отсюда, то я могу взять на себя ответственность и увести их в другое место. Если они не готовы, то я буду чувствовать себя свободным от каких-либо обязательств перед ними.

Я чувствовал прилив оптимизма и уверенности. Никто из них ничего не сказал. Они смотрели на меня молча, как бы взвешивая мое заявление.

– Сколько вам понадобится времени, чтобы собрать ваши пожитки? – спросил я.

– У нас нет пожитков, – сказала Горда. – мы поедем, как есть. И мы можем ехать прямо сию минуту, если это необходимо. Но если мы сможем подождать еще три дня, то это было бы лучше для нас.

– Как насчет ваших домов? – спросил я.

– Об этом позаботится Соледад, – сказала она.

Впервые с тех пор, как я в последний раз видел донью Соледад, было упомянуто ее имя. Я был так заинтересован, что моментально забыл о напряжении данного момента. Я сел. Горда колебалась с ответами на мои вопросы о донье Соледад. Нестор вмешался и сказал, что донья Соледад где-то поблизости, но что все они очень мало знают о том, чем она занимается. Она приходит и уходит, никого не спрашивая. Между ними существовало соглашение, чтобы они приглядывали за ее домом, а она за их домами. Донья Соледад знала, что им придется уехать рано или поздно, и она примет на себя ответственность и сделает все необходимое, чтобы они избавились от своей собственности.

– Как вы дадите ей знать? – спросил я.

– Это дело Горды, – сказал Нестор. – она знает, где находится Соледад.

– Где донья Соледад, Горда? – спросил я.

– Откуда я, черт возьми, могу знать это! – бросила мне Горда.

– Но ведь именно ты всегда зовешь ее, – сказал Нестор.

Горда посмотрела на меня. Это был мимолетный взгляд, но он бросил меня в дрожь. Я узнал этот взгляд. Но откуда? Все тело мое напряглось. Солнечное сплетение стало твердым, каким я никогда не чувствовал его раньше. Моя диафрагма, казалось, давила вверх на самое себя. Я размышлял о том, не лечь ли мне, но внезапно оказался стоящим.

– Горда не знает, – сказал я. – только я знаю, где она находится.

Все были потрясены, и я, пожалуй, больше всех. Я сделал заявление без какого-либо разумного обоснования. Однако в момент, когда я его произносил, у меня была абсолютная уверенность, что я знаю, где она находится. Это было похоже на вспышку света, мелькнувшую в моем сознании. Я увидел горный район с очень зазубренными сухими пиками, пустынную холодную равнину. Как только я кончил говорить, следующей моей осознанной мыслью было то, что я, видимо, видел такой ландшафт в кино и что нагрузка от пребывания с этими людьми вызвала у меня такой срыв.

Я извинился перед ними, что мистифицировал их так прямо, хотя и не намеренно, и уселся.

– Ты хочешь сказать, что не знаешь, почему это сказал? – спросил меня Нестор.

Он подбирал слова осторожно. Естественно было бы сказать, по крайней мере для меня: «значит, ты действительно не знаешь, где она находится?». Я сказал им, что что-то неизвестное нашло на меня. Я описал им местность, которую увидел, и ту уверенность, которая у меня была, что донья Соледад находится именно там.

– Это происходит с нами довольно часто, – сказал Нестор.

Я повернулся к Горде, и она кивнула головой. Я попросил ее объяснить.

– Эти сумасшедшие, запутанные вещи все время приходят к нам в голову, – сказала Горда. – спроси лидию, розу или Жозефину.

С тех пор, как они перешли к новому распределению жилья, Роза и Жозефина мало говорили со мной. Они ограничивались приветствиями или случайными замечаниями о пище или погоде.

Лидия избегала моих глаз. Она пробормотала, что временами ей кажется, будто она помнит еще другие вещи.

– Иногда я могу действительно ненавидеть тебя, – сказала она мне. – я думаю, что ты притворяешься глупым, но потом я вспоминаю, что ты даже заболел из-за нас. Это был ты?

– Конечно, это был он, – сказала Роза, – я тоже вспоминаю разное. Я помню даму, которая была добра ко мне. Она учила, как держать себя в чистоте, а этот нагваль в первый раз подстриг мне волосы, пока она меня держала, потому что я была напугана. Эта дама любила меня. Она была единственным человеком, который действительно заботился обо мне. Я бы с радостью пошла на смерть из-за нее.

– Кто была эта дама, Роза? – спросила Горда, сдерживая дыхание.

Роза указала на меня движением подбородка, жестом, полным отвращения и недовольства.

– Он знает, – сказала она.

Все уставились на меня, ожидая ответа. Я рассердился и заорал на розу, что не ее дело делать заявления, которые в действительности были обвинениями. Я никоим образом не лгал им.

На розу моя вспышка не подействовала. Она спокойным голосом объяснила, что помнит, как эта дама говорила ей, что я еще вернусь обратно после того, как оправлюсь от своей болезни. Роза поняла это так, что дама заботится обо мне, лечит меня, поэтому я должен знать, кто она такая и где она, поскольку я явно выздоровел.

– Что это за болезнь была у меня, Роза? – спросил я.

– Ты заболел, потому что не смог удержать свой мир, – сказала она с полным убеждением, – кто-то говорил мне, я думаю, очень давно, что ты не создан для нас, точно так же, как Элихио говорил Горде в сновидениях. Ты покинул нас из-за этого, и Лидия так и не простила тебе этого. Она будет ненавидеть тебя и за границами этого мира.

Лидия запротестовала, сказав, что ее чувства ничего общего не имеют с тем, что говорит Роза. Она просто очень легко выходит из себя и сердится из-за моей глупости.

Я спросил Жозефину, помнит ли она меня тоже.

– Конечно, помню, – сказала она с улыбкой, – но ты же знаешь, я сумасшедшая. Мне нельзя верить. На меня нельзя положиться.

Горда настаивала на том, чтобы Жозефина сказала то, что она помнит. Жозефина была настроена не говорить ничего, и они спорили, пока, наконец, Жозефина не сказала мне:

– Какой толк от всех этих разговоров о воспоминании? Они ни фиги не стоят.

Жозефина, казалось, высказалась за всех нас. Больше нечего было сказать. Они собирались уйти, после того как провели в вежливом молчании несколько минут.

– Я помню, ты покупал мне красивые платья, – внезапно сказала Жозефина мне. – разве ты не помнишь, как я упала с лестницы в магазине? Я чуть не поломала ноги, и тебе пришлось меня вынести.

Все опять уселись с глазами, прикованными к Жозефине.

– Я помню также одну сумасшедшую, – сказала она, – она Хотела побить меня и гонялась за мной, пока ты не рассердился и не остановил ее.

Я был растерян. Все, казалось, уцепились за слова Жозефины, хотя она сама говорила, чтобы мы ей не верили, так как она сумасшедшая. Она была права. Ее воспоминания не имели для меня никакого смысла.

– Я тоже знаю, почему ты заболел, – продолжала она, – я была там, но не помню, где. Они взяли тебя через эту стену тумана, чтобы разыскать эту глупую Горду. Я полагаю, что она заблудилась. Ты не мог вернуть ее назад. Когда же они принесли тебя обратно, ты был почти мертв.

Молчание, последовавшее за ее словами, было гнетущим. Я уже боялся что-нибудь спрашивать.

– Я не могу вспомнить, чего ради она отправилась туда и кто принес тебя обратно, – продолжала Жозефина. – я помню, что ты был болен и не узнавал меня больше. Эта глупая Горда клянется, что она не знала тебя, когда ты впервые вошел в этот дом несколько месяцев назад. Я узнала тебя сразу. Я помнила, что ты нагваль, который заболел. Ты хочешь что-то узнать? Я думала, что эти женщины просто развлекаются, и мужчины точно так же, особенно этот глупый Паблито. Они-то должны помнить, ведь они были там.

– А ты помнишь, где мы были? – спросил я.

– Не помню, – сказала Жозефина, – однако я узнала бы это место, если бы ты меня туда привез, когда мы все были там, нас обычно называли пьяницами, потому что мы там легко хмелели. У меня в голове было меньше тумана, чем у всех, поэтому я помню довольно хорошо.

– Кто называл нас пьяницами? – спросил я.

– Не тебя. Только нас, – ответила Жозефина. – я не помню, кто, наверное, нагваль Хуан Матус.

Я посмотрел на них, и каждый из них отводил глаза.

– Мы подходим к концу, – пробормотал Нестор, как бы говоря сам с собой, – наш конец уже смотрит нам в глаза.

Казалось, он был на грани слез.

– Я должен был бы быть рад и Горд, что мы прибыли к концу, – продолжал он. – и все же я

печален. Не можешь ли ты это объяснить, нагваль?

Внезапно всех охватила печаль. Даже дерзкая Лидия опечалилась.

– Что с вами случилось? – спросил я. – о каком конце вы говорите?

– Я думаю, что каждый знает, что это за конец, – сказал Нестор. – в последнее время у меня странные ощущения. Что-то зовет нас, а мы не отпускаемся. Мы цепляемся.

Паблито, как истинный кавалер, сказал, что Горда, единственная среди нас, не цепляется ни за что. Все остальные, заверил он меня, безнадежные эгоисты.

– Нагваль Хуан Матус сказал, что, когда придет время идти, мы получим знак, – сказал Нестор, – что-то такое, что нам действительно нравится, выступит вперед и позовет нас.

– Он сказал, что это не обязательно будет что-то большое, – добавил Бениньо, – любое, все, что нам нравится, может сгодиться.

– Для меня знак придет в форме оловянных солдатиков, которых у меня никогда не было, – сказал мне Нестор, – отряд оловянных солдатиков, конных гусар, явится, чтобы забрать меня. А чем это явится для тебя?

Я вспомнил, что дон Хуан говорил мне однажды, что смерть может стоять позади чего угодно, даже позади точки в моем блокноте, потом он дал мне некоторую метафору моей смерти.

Я рассказал ему, что однажды, гуляя по бульвару голливуда в Лос-анжелесе, я услышал звуки трубы, игравшей старый идиотский популярный мотив. Музыка исходила из магазина грампластинок на этой улице. Никогда я не слышал более приятного звука. Я был захвачен им. Я был вынужден присесть на паребрик. Медный звук трубы попадал мне прямо в мозг.

Я его ощущал над своим правым виском. Он ласкал меня, пока я не опьянел от него. Когда он умолк, я знал, что нет способа когда-нибудь повторить это ощущение, и у меня было достаточно отрешенности, чтобы не броситься в магазин и не купить эту пластинку вместе со стереопроектором, чтобы проигрывать ее.

Дон Хуан сказал, что это было знаком, который был дан мне силами, управляющими судьбами людей. Когда придет мое время покинуть этот мир в какой бы то ни было форме, я услышу тот же самый звук трубы и тот же самый идиотский мотив, исполняемый тем же самым трубачом.

Следующий день был суматошным днем для них. Казалось, им нужно было сделать бесчисленное множество дел. Горда сказала, что все их заботы были личными и должны выполняться каждым из них без всякой помощи. Я был рад остаться один. У меня тоже были дела. Я поехал в ближайший городок, который так сильно нарушил мое спокойствие. Я подъехал прямо к тому дому, который имел такую притягательную силу для меня и для Горды. Я постучал в дверь. Открыла дама. Я сочинил историю, что жил в этом доме ребенком и хочу взглянуть на этот дом опять. Она была очень доброжелательной женщиной. Она провела меня в дом, многословно извиняясь за несуществующий беспорядок.

Этот дом был переполнен скрытыми воспоминаниями. Они были там. Я мог их чувствовать, но ничего не мог вспомнить. На следующий день Горда на рассвете уехала. Я ожидал, что ее не будет весь день, но к обеду она вернулась. Казалось, она была очень взволнованной.

– Соледад вернулась и хочет тебя видеть, – сказала она прямо. Без единого слова объяснений она отвела меня к дому Соледад. Донья Соледад стояла около двери. Она выглядела более молодой и более сильной, чем в последний раз, когда я ее видел. С дамой, которую я знал много лет назад, у нее осталось самое отдаленное сходство.

Горда была на грани того, чтобы расплакаться. То напряжение, через которое мы проходили, делало ее настроение вполне понятным для меня. Она ушла, не сказав ни слова.

Донья Соледад сказала, что у нее лишь немного времени для разговора со мной, и она

собирается использовать каждую минуту этого времени. Она казалась странно почтительной. В каждом ее слове звучала вежливость.

Я сделал жест, чтобы прервать ее и задать вопрос. Я хотел знать, где она была. Самым деликатным образом она прервала меня. Она сказала, что подбирала свои слова очень тщательно и что недостаток времени позволит ей сказать лишь то, что существенно. Она секунду пристально смотрела мне в глаза, и эта секунда показалась мне неестественно длинной. Это раздражало меня, она могла бы говорить со мной и ответить на какие-нибудь вопросы за это время. Она прервала молчание и заговорила о том, что я воспринял, как абсурд. Она сказала, что нападала на меня, поскольку я сам об этом просил, в тот день, когда мы впервые пересекли параллельные линии, и что она может лишь надеяться, что ее атака была эффективной и послужила своей цели. Я хотел закричать, что я никогда не просил ее ни о чем подобном, что ничего не знаю о параллельных линиях и то, что она говорит, бессмыслица. Она зажала мне губы ладонью. Автоматически я расслабился. Она казалась печальной. Она сказала, что нет способа, при помощи которого мы могли бы разговаривать, потому что в данный момент мы находимся на двух параллельных линиях и никто из нас не имеет энергии пересечь их; только ее глаза могли рассказать мне о ее настроении.

Без всякой причины я почувствовал себя расслабленным. Что-то во мне опустилось. Я заметил, что слезы катятся по моим щекам, а затем невероятнейшее ощущение завладело мной на секунду. На короткий момент, но достаточно длинный, чтобы пошатнуть основание моего сознания или моей личности, или того, что, я думал и чувствовал, является мной. В течение этого короткого времени я знал, что мы были очень близки друг другу по целям и темпераменту. Наши обстоятельства были похожими. Я хотел сказать ей, что это была отчаянная битва, что эта битва еще не закончена. Она никогда не закончится. Она прощалась, потому что, будучи безупречным воином, каким она была, знала, что наши пути никогда больше не пересекутся. Мы пришли к концу следа. Запоздалая волна, чувство общности, чувство родства вырвалось из какого-то невообразимого темного угла меня самого. Эта вспышка подобна электрическому разряду внутри моего тела. Я обнял ее, мои губы двигались, говоря что-то, не имеющее для меня никакого смысла. Ее глаза загорелись. Она тоже говорила что-то, чего я не мог понять. Единственное ощущение, которое было для меня ясно, это то, что я пересек параллельные линии, не имело никакого прагматического значения. Внутри меня прорывался наружу какой-то источник, какая-то необъяснимая сила разрывала меня на части. Я не мог дышать, и все покрылось чернотой.

Я почувствовал, что кто-то двигает меня и мягко трясет. Лицо Горды выплыло в фокус. Я лежал на кровати доньи Соледад, и около меня сидела Горда. Мы были одни.

– Где она? – спросил я.

– Ушла, – ответила Горда.

Я хотел все рассказать Горде, но она остановила меня и открыла дверь. Все ученики были снаружи, ожидая меня. Они одели свои лучшие одежды. Горда объяснила, что они порвали все остальное, что имели. Время клонилось к вечеру. Я проспал несколько часов. Не разговаривая, мы прошли к дому Горды, где стояла моя машина. Они забрались внутрь, словно дети, собирающиеся на воскресную прогулку.

Прежде чем забраться в машину, я остановился, глядя на долину. Мое тело медленно поворачивалось и совершило полный круг, как если бы оно имело собственную волю и свои задачи. Я чувствовал, что схватываю сущность этого места. Я хотел удержать ее в себе, потому что я знал совершенно точно, что никогда больше в своей жизни его не увижу.

Другие, должно быть, уже проделали это. Они были свободны от меланхолии. Они смеялись и шутили друг с другом.

Я завел машину, и мы поехали. Когда мы достигли последнего поворота дороги, солнце садилось, и Горда закричала, чтобы я остановился. Она выбралась наружу и побежала на небольшой холмик сбоку от дороги. Она забралась на него и бросила последний взгляд на свою долину. Она протянула ей свои руки и вдыхала ее в себя.

Поездка вниз с этих гор была странно короткой и совершенно без событий. Все было спокойны. Я пытался втянуть Горду в разговор, но она наотрез отказалась. Она сказала, что горы, будучи собственниками, хотят завладеть нами и что если мы не сохраним своей энергии, то горы никогда не отпустят нас.

Как только мы спустились в долину, все они стали очень оживлены, особенно Горда. Она, казалось, кипела энергией. Она даже добровольно поделилась информацией без всяких уговоров с моей стороны. Одним из ее утверждений было, что нагваль дон Хуан Матус говорил ей, а Соледад подтвердила, что у нас есть другая сторона. Услышав это, все остальные выступили с вопросами и замечаниями. Они были в смущении из-за своих странных воспоминаний о событиях, которые логически не могли иметь места. Поскольку некоторые из них встретились со мной несколькими месяцами раньше, то воспоминания обо мне в отдаленном прошлом были чем-то выходящим за границы их понимания.

Я рассказал им тогда о своей встрече с доньей Соледад. Я описал им свое чувство, что я очень близко знал ее раньше. И то чувство, что я, несомненно, пересек тогда то, что она называла параллельными линиями. Их реакцией на мое заявление было смущение. Казалось, они слышали этот термин раньше, но я не был уверен, что все они понимали, что это значит. Для меня это была метафора. Я не мог поклясться, что для них это было тем же самым.

Когда мы приехали в город Оасаку, они выразили желание посетить то место, где, по словам Горды, исчезли дон Хуан и дон Хенаро. Я поехал прямо туда. Они высыпали из машины и, казалось, принялись к чему-то, приглядывались к каким-то признакам. Горда указала направление, в котором они ушли.

– Ты сделала ужасную ошибку, Горда, – сказал Нестор. – это не восток, это север.

Горда запротестовала и защищала свое мнение. Женщины и Паблито поддерживали ее. Бениньо в разговор не вступал, продолжая смотреть на меня, как если бы я должен был дать ответ, что я и сделал. Я обратился к карте города, которая была в моей машине. Направление, указанное Гордой, было севером.

Нестор заметил, что наш отъезд из их города, как он все время и чувствовал, не был преждевременным или насильственным ни в коей мере; срок был правильным. У других такого чувства не было, и их колебания были вызваны ошибкой Горды. Они считали, как и она сама, что нагваль указал на их родной город, что значило бы, что они должны остаться там. Я признал с опозданием, что в конце концов виноват был я, потому что, хотя и имел карту, я не воспользовался ею вовремя.

Потом я заметил, что забыл им рассказать, как один из тех людей, а именно тот, которого в тот момент я принимал за дон Хенаро, позвал нас за собой кивком головы. Глаза Горды раскрылись от искреннего удивления или даже тревоги. Она не заметила этого жеста. Приглашение было только для меня.

– Вот оно! – воскликнул Нестор. – суд судьбы. – он делал отчаянные жесты руками, чтобы успокоить их.

Он повернулся к другим. Все они заговорили одновременно.

Я лишь надеюсь, что вы все действовали так, как должны были действовать, как если бы вы никогда не вернулись обратно, – сказал Нестор. – потому что мы никогда не вернемся назад.

– Ты нам правду говоришь? – спросила Лидия со свирепым выражением в глазах, в то время, как другие выжидающе уставились на меня. Я заверил их, что у меня не было причины

выдумывать что-либо. Тот факт, что я видел, как тот человек кивнул мне головой, не имел для меня совершенно никакого значения. И к тому же я совсем не был убежден, что эти люди были доном Хуаном и доном Хенаро.

– Ты очень хитрый, – сказала Лидия, – ты, может быть, говоришь нам это лишь для того, чтобы мы покорно следовали за тобой.

– Подожди минутку, – сказала Горда, – этот нагваль может быть таким хитрым, как ты хочешь, но он никогда не поступит таким образом.

Они все заговорили сразу. Я попытался выступить, и мне пришлось перекрикивать их, чтобы сказать, что то, что я видел, в любом случае ничего не меняет.

Нестор очень вежливо объяснил, что Хенаро говорил им, что, когда придет время, чтобы они покинули свою долину, он каким-нибудь образом даст им знать об этом кивком головы. Они успокоились, когда я сказал, что если их судьбы решены благодаря этому событию, то то же самое можно сказать и о моей судьбе. Все мы отправляемся на север.

Затем Нестор отвел нас к месту ночевки, к постоялому двору, где он останавливался, когда у него бывали дела в городе. Их настроение было приподнятым. Даже Лидия обняла меня, извиняясь за свою несносность. Она объяснила, что верила Горде и поэтому не позаботилась о том, чтобы эффективно оборвать все связи с долиной. Жозефина и Роза вновь и вновь гладили меня по спине. Я хотел поговорить с Гордой. Мне надо было обсудить с ней наши дальнейшие действия. Но этим вечером не представлялось никакой возможности остаться с ней наедине.

Конец ознакомительного отрывка книги.

[Скачать книги Карлоса Кастанеды](#)